
АРИ ДАЛЕ
РАЗВОД
Ты (не) заслуживаешь прощения

Ари Дале

Развод. Ты (не) заслуживаешь прощения

«Литнет»
2024

Дале А.

Развод. Ты (не) заслуживаешь прощения / А. Дале — «Литнет», 2024

— Я потеряла ребенка из-за твоей любовницы! Я ухожу от тебя! Мне нужен развод! — заявляю прямо в лицо мужу, сжимаю ручку чемодана. — Прекращай истерику! Хочешь винить меня в выкидыше, пожалуйста! Но не забывай — ты все еще моя жена и ею останешься! — Я уже подала документы... — Я сказал, развода не будет, — отрезает муж и выдергивает чемодан из моей руки. — А по поводу ребенка. Не переживай — ты родишь мне нового наследника._____ Измена мужа Жесткий, властный герой Очень сложные отношения Эмоции на самой грани Герои не идеальныХЭ обязателен. Вот только для кого?

© Дале А., 2024
© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 14
Глава 6 17
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10 26
Глава 11 28
Глава 12 31
Глава 13 33
Глава 14 35
Глава 15 37
Глава 16 40
Глава 17 42
Глава 18 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Глава 1

— Я потеряла ребенка из-за твоей любовницы! — крепче стискиваю ручку черного чемодана, стоя около двери. Смотрю вдоль кажущегося сейчас бесконечным коридора. Помню, с каким наслаждением ее оформляла. — Я ухожу от тебя.

— Люда, вернись наверх, — муж, который должен был быть для меня опорой, хочет стать моим тюремщиком, преграждая путь на свободу. Он настолько высокий и широкий в плечах, что почти полностью загораживает собой проход.

— Ты меня не слышишь? Я собираюсь получить развод, — стараюсь говорить спокойно, даже несмотря на то, что дрожь волна за волной прокатывается по телу.

Резко становится зябко. Черное платье с горлом совсем не согревает. Видимо, даже через него проникает холод, наполняющий черные глаза мужа. Щетина на лице Миши прилично отросла, делая его похожим на варвара, который собирается запереть меня в хижине. А если будет нужно, то вовсе прикует к стене цепями, чтобы я даже не думала о побеге.

— Какой еще развод? — Миша тяжело вздыхает, ослабляет узел галстука, удерживающий воротник черной рубашки. — Очнись! Возвращайся в комнату. Тем более, ночь на дворе. Завтра утром одумаешься и пожалеешь. А пока иди спать, утром все обсудим на «свежую голову», — он тянется к чемодану, но я дергаю его за себя, отодвигая ближе к лестнице.

— Миша, ты слышишь меня? Я не хочу быть твоей женой! — чеканю каждое слово. — Видеть тебя больше не могу! — в голосе проскальзывают истерические нотки. Судорожно вздыхаю, сжимаю пальцы свободной руки в кулак, пытаясь восстановить душевное равновесие. Но ничего не помогает унять бьющееся с невероятной скоростью сердце.

— Уйди с дороги, — собираюсь проскользнуть между мужем и стеной, но он словно читает мои мысли и делает шаг в эту сторону.

— Прекращай истерику! — муж наступает, поэтому мне приходится сделать пару шагов назад.

Щиколотками врезаюсь в край ступени. Выставляю руку перед собой, не давая Мише приблизиться, за что зарабатываю недовольный взгляд и поджатые губы.

— Истерику? — мои брови взлетают, откидываю каштановые волосы назад и впиваюсь взглядом в мужа. — Ты вообще нормальный? Признаю, раньше я истерила. И не только. Но у меня была причина: я потеряла своего малыша! Да еще оказывается из-за того, что твоя любовница меня отравила, — слова отдаются отголосками притупленной боли в теле. — Сейчас же мое здравомыслие вернулось. И я отлично соображаю. Поэтому повторю еще раз и надеюсь, ты меня, наконец, услышишь — я от тебя ухожу, — произношу каждое слово по-отдельности.

— Как ловко ты избегаешь факта, что она была твоей подругой. И именно поэтому ты приняла от нее «травяной чай», — хмыкает муж.

В сердце будто тысячи иголок втыкаются. Становится тяжело дышать. Мысли о Насте засовываю в самый дальний угол сознания, желая никогда не доставать их оттуда. Пусть они там сгниют, точно так же, как и она… в тюрьме.

— Это не отменяет того факта, что ты с ней спал! — срываюсь на крик, изо всей силы сжимая ручку чемодана.

— И что с того? Хочешь винить меня в потере нашего ребенка, пожалуйста! Но не забывай — ты все еще моя жена и ею останешься! — цедит муж сквозь стиснутые челюсти.

— После всего произошедшего я никогда не буду с тобой! И да, на развод я сегодня подала, — выплевываю ему в лицо и бросаюсь в другую сторону, но даже шаг не получается сделать, как Миша хватает меня за руку и дергает на себя.

Врезаюсь в его твердую грудь. Из меня выбивает весь воздух. Чемодан, в который я вцепилась, заваливается набок, оттягивая руку.

Поднимаю взгляд на мужа и понимаю, что он не варвар. Нет, Миша — зверь, и я попала в его лапы. Он свою добычу точно не отпустит.

Желудок ухает вниз. Сердце пропускает удар. Ноги немеют.

Миша смотрит на меня сверху вниз, прожигает напряженным взглядом.

— Я сказал, развода не будет, — отрезает. — Я тебя не трогал. Дал время на восстановление. Но мне надоели твои припадки. Ты моя жена, и чтобы сейчас не говорила, это не изменится, — он выдергивает чемодан из моей руки. — А по поводу ребенка. Не переживай — ты родишь мне нового наследника.

Глава 2

— Ты с ума сошел? — неверяще смотрю на Мишу.

Глядя в его черные глаза, осознаю, что, скорее всего, права. Мой муж всегда был жестким человеком, но никогда не был жестоким. Особенно, по отношению ко мне.

Я встретила Мишу, когда училась на первом курсе экономического факультета в университете. Он был приглашенным лектором на экспериментальном предмете «теория предпринимательского дела». Я с первого же взгляда влюбилась до безумия. Даже немного бегала за ним. Искала встреч. Пыталась на полставки устроиться в его быстрорастущую строительную фирму. Но очень быстро поняла, что я ему не ровня. Смогла отпустить. Почти забыла. И именно тогда, он обратил на меня внимание. Все завертелось со скоростью света. На первом же свидании мы поцеловались, а через три месяца каждодневных встреч решили пожениться. Я и сама не поняла, как оказалась замужем. Мой мир начал вертеться вокруг мужа. Хорошо, хоть университет смогла закончить.

Мы с Мишей прошли через многое. Я была рядом, пока он растил свой бизнес. Не оставила, когда он прогорел, и нам пришлось срочно продавать дом, чтобы выплатить заработную плату сотрудникам. Пока Миша восстанавливал дело своей жизни из пепла и постигал все новые вершины, я всегда шла за его спиной. Заботилась. Прикрывала тыл.

Мы долго не могли зачать ребенка, поэтому, когда я увидела две полоски на тесте, сначала не поверила своим глазам. До сих пор помню, как понимание медленно формировалось в голове, а потом растекалось теплом в груди, вызывая эйфорию.

Вечером того же дня я рассказала новость Мише. Впервые за много лет увидела яркое проявление его чувств — муж подхватил меня на руки и кружил в гостиной, в которую я до сих пор не могу зайти. Именно там мы пили злосчастный чай с лучшей подругой.

С каждым годом Миша все реже показывал мне свои эмоции, но я всегда знала, что он любил меня. Как умел. По-своему. Скупо. Но любил.

Зато сейчас, глядя на мужа, я совсем его не узнаю. Будто у него в душе что-то умерло. Возможно, потеря ребенка тоже оставила на нем неизгладимый отпечаток, нанесла рану, которая никогда не затянется. Но передо мной теперь совершенно другой человек: пустой, бездушный, жестокий.

Новый Миша готов сломить любого, чтобы достичь цели. Он и раньше был таким — в бизнесе. Но никогда не вел себя так со мной, будто стоит ему лишь щелкнуть пальцами, и меня посадят на цепь. А после этого вовсе будут относиться не лучше, чем к собаке.

Воспоминания о днях, проведенных в «белой» комнате, пробиваются сквозь стену, которую я выстроила между ними и реальностью. На мгновение прикрываю глаза, пытаясь справиться со страхом снова оказаться в том страшном месте, куда меня отправил муж, когда я скорбела по нашему малышу.

Вот только даже прорывающийся наружу испуг не заставит меня подчиниться.

— Тебе мало, что я по твоей прихоти «в частной клинике» лежала? Решил полностью уничтожить? — намеренно ударяю по больному.

Жаль, что мои слова не пробивают толстую кожу мужа, не наносят рану, которую он оставил у меня в груди, не заставляют кровоточить душу каждый раз, стоит только представить, какая жизнь у нас могла бы быть.

Детский плач…

А потом смех…

Семейные завтраки, прогулки, поездки…

Мы всего этого лишились, потому что муж не смог удержать свой причиндал в штанах.

— Я все сказал! — холодно произносит Миша.

Резко отстраняется. С легкостью поднимает чемодан, будто тот ничего не весит. Идет к лестнице. Тянет меня за собой.

Он начинает подниматься, при этом настолько сильно сдавливает мое запястье, что я шиплю от боли. Но вместо того, чтобы пойти за ним, вцепляюсь в перила свободной рукой, а другую — дергаю изо всей силы.

Не знаю, каким чудом, но запястье выскальзывает из грубых пальцев. Кожу печет, но я игнорирую боль. Наблюдаю за тем, как муж медленно оборачивается ко мне. Смотрит сверху вниз, хмурясь. В его глазах появляется доля интереса, но ее быстро смывает ставшая знакомой тьма.

Муж чуть приподнимает бровь, молчит. Явно бросает мне вызов. Как бы безмолвно говорит: «Ну давай, попробуй пойти против меня».

Но я, итак, долго думала и уже приняла решение. Теперь не отступлю от него.

— Верни чемодан, — протягиваю все еще ноющую руку. — Нашей семьи больше нет. «Нас» не стало вместе с гибелью нашего ребенка, — выдавливаю из себя последние слова. Но понимаю, что не могу сдаться, поэтому судорожно вздыхаю и продолжаю. — Ты не сможешь меня удержать. Мне больше нечего терять.

— Уверена? — Миша едва заметно склоняет голову к плечу. — А как же твои родители и их «маленький бизнес»? Что будет, если он схлопнется? — муж приподнимает руку и щелкает пальцами. — А еще напомни, кто оплачивает учебу твоей сестры в Италии? — он сдвигает брови к переносице. — Попробуй уйти от меня и увидишь, как твоя семья полетит в бездну.

Глава 3

— Ты не посмеешь, — стараюсь говорить уверенно, хотя все внутри холодеет.

Миша не бросает слова на ветер. Это я прекрасно усвоила за шесть лет брака. Много раз видела, как он безжалостно разрушал бизнесы, уничтожал конкурентов. Все, чтобы достичь целей и плевать, кто пострадает.

— Проверь, — уголки губ мужа подрагивают, — ты не захочешь проверять, — он разворачивается и начинает подниматься по лестнице.

А я стою внизу, раскрыв рот, и не верю в произошедшее.

Он же не мог… мне показалось? Или…

Миша действительно меня шантажирует?

Ярость лавой разливается по телу. Стискиваю кулаки и следую за мужем.

— То есть ты решил запереть меня в доме и сделать своей рабыней? — бросаю Мише в спину, удивляясь, с какой легкостью он несет едва подъемный чемодан.

— Нет, — спокойно отвечает он, достигая второго этажа.

— Значит, я могу уйти? — с трудом дыша, быстро преодолеваю ступеньку за ступенькой.

— Да, — муж через плечо бросает на меня взгляд, сворачивает в коридор с бежевыми стенами, из которого две двери ведут в спальни с собственными ванными.

— Тогда верни мне чемодан. Я ухожу! — наконец забираюсь наверх и иду за Мишей, игнорируя жжение в груди.

Муж застывает. Я тоже.

— Уверена? — проникновенно спрашивает Миша, не оборачиваясь.

«Да» застревает в горле.

Запинаюсь всего на мгновение, но мужу этого хватает, чтобы продолжить путь.

Черт. Почему я промолчала? Да, потому что знаю — если муж чего-то хочет, он это получит. Наплюет на то, что причинит боль моим родным, лишь бы добраться до меня. Я не могу поступить так ни с родителями, ни с сестрой. Поэтому нужно попробовать поговорить с Мишей, облагоразумить.

«Ну да, и когда у тебя это получалось сделать?» — издевается внутренний голос.

«Никогда», — признаюсь себе. Но выбора нет. Если не попробую, пострадаю не только я.

Собираю волю в кулак и иду за Мишей в спальню в конце коридора, которую занимаю последние пару месяцев. Она находится рядом с той, где мы раньше спали с мужем.

Широкими шагами достигаю двери и сразу же цепляюсь взглядом за чемодан. Миша ставит его у противоположной стены недалеко от кровати, которую огибают две тумбочки.

Захожу в «зеленую» комнату, как я ее для себя окрестила из-за стен и шелкового покрывала на кровати. Мы с дизайнером долго занимались ее оформлением. Старались учесть все мелочи, чтобы нашим с мужем гостям было комфортно. Спальную зону от рабочей с панорамным окном отделили белой перегородкой в виде полок с противоположной стороны кровати. Массивные темно-зеленые шторы должны были защищать от утреннего солнца. Хотя сейчас они не завешаны, поэтому в комнату попадает свет от полной луны, освещая прямоугольный стол в углу комнаты, которым я почти никогда не пользовалась. Шкаф, находящийся недалеко от входа рядом с дверью в ванную, встроили в углубление стены, чтобы он был почти незаметен из-за зеркал, занимающих все пространство раздвижных дверок. И тем самым, еще больше «увеличили» пространство комнаты. В то время я даже представить не могла, что сама буду жить здесь.

— Почему ты не хочешь меня отпустить? — спрашиваю Мишу прямо в лоб, надеясь хоть честностью пробить бесчувственную маску. Ведь под ней должен где-то скрываться мужчина, которого я когда-то знала и даже любила.

— Ты моя жена, — муж поворачивается ко мне, складывает руки на груди.

— Но ты меня не любишь, — хватаюсь за подол платья и со всей силы сжимаю его, стараясь не начать кричать.

— Кто тебе сказал? — Миша приподнимает бровь.

— Ты спал с моей лучшей подругой! — не выдерживаю, все-таки повышаю голос.

На мгновение прикрываю глаза, тяжело вздыхаю, прежде чем снова посмотреть на мужа.

— Это была всего лишь интрижка, — он говорит абсолютно спокойно, когда ловит мой взгляд.

Из меня вырывается истерический смешок. Под ним скрываются рыдания, которые я всеми силами стараюсь удержать в себе. Воздух застревает в груди, не дает сделать нормальный вдох.

— Интрижка, из-за которой она решила убить моего нерожденного ребенка? — спрашиваю бесцветным голосом, хотя глаза начинают жечь.

— Я не знаю, что было на уме у этой сумасшедшей бабы, — рычит. — Да, мы переспали, признаю. Но я никогда не обещал ей, что разведусь. Она знала правила…

— Правила? — желудок ухает вниз. — Какие еще правила?

— Люда, — муж прикрывает глаза, вздыхает. — Остановись.

Догадка огорошивает меня.

— Сколько их было? — произношу тихим голосом.

— Люда… — предупреждающе рычит муж.

— Сколько?! — едва не кричу.

— Да, твою ж… — он широкими шагами преодолевает расстояние между нами. — Какая разница? Вот скажи: какая? Я всегда, каждую ночь, возвращался к тебе! Разве этого недостаточно? — тянется ко мне, но я отшатываюсь.

Ошарашено смотрю на мужа и понимаю — я ошибалась, когда думала, что знала его. Миша всегда был незнакомцем. Я просто видела его сквозь пелену чувств, замечая только то, что хотела.

— Мне нужен развод, — едва шевелю губами.

— Я тебе его не дам, — отчеканивает каждое слово. — Ты, конечно, можешь попробовать его получить. Но подумай о последствиях. Я не шутил, когда говорил, что уничтожу всех, кого ты любишь, но заставлю остаться со мной. Тебе достаточно причин, чтобы остаться моей женой? — вздергивает бровь. — Повторяю: развод ты в любом случае не получишь.

Муж жестко улыбается, после чего огибает меня и выходит из комнаты.

А я стою посреди спальни, которая служила мне убежищем последние несколько месяцев, и не знаю, что делать. Но даже сквозь кашу в голове, отчетливо слышу внутренний голос:

«Нужно бежать!»

Глава 4

— Куда ты собралась? — муж, одетый, как обычно, в идеально сидящий темно-синий костюм с белой рубашкой, выходит из гостиной как раз в тот момент, когда я достигаю последней ступени лестницы. На этот раз без чемодана.

Очень хочется бросить ему в лицо: «Подальше от тебя!». Вот только, хоть бессонная ночь и не помогла мне найти способ без последствий уйти от мужа, я четко осознала, что, имея дело с Мишей, действовать «в лоб» нельзя. Для мужа я, видимо, как и многие другие люди, обычная мошка. Он прихлопнет меня, не задумавшись.

Поэтому сегодня, выбравшись из кровати, после чего, переодевшись в джинсы и белый бомбер с горлом, я окончательно решила, что нужно быть хитрее.

— Мама звонила, попросила помочь, — вру, не моргнув глазом. — Или мне даже нельзя к родителям съездить? — сжимаю цепочку белой сумочки, чувствуя, как звенья впиваются в ладонь.

— Можно, конечно. Я твой муж, а не тюремщик, — Миша смотрит на меня пустым взглядом, от которого пламя ненависти еще сильнее разгорается в груди. Не знаю, когда это произошло, но сейчас я отчетливо осознаю, что от человека, с которым я прожила столько лет, осталась лишь пустая оболочка. — Возьмешь водителя, или мне тебя отвезти?

«Не тюремщик значит?» — хочется выплюнуть мужу в лицо, но я прикусываю язык.

— Водителя, — отвечаю на удивление спокойно.

Муж кивает, достает из кармана телефон, разблокирует его и что-то набирает на экране.

— Паша подгонит машину через пару минут, — засовывает гаджет обратно. — Иди поешь пока, — указывает подбородком на дверь кухни, которая находится недалеко от гостиной.

Стоит только подумать о еде, меня начинает мутить. Из-за нервов кусок в горло не лезет. В последние несколько месяцев в моей жизни не было драмы, но, видимо, это было затишье перед бурей.

— Спасибо, откажусь, — стараюсь призвать всю вежливость, которая во мне только осталась. Вот только голос все равно звучит натянуто. Наверное, поэтому муж поджимает губы. — Мама обещала дать попробовать их новый десерт, — такими темпами я стану патологической лгуньей.

И, видимо, я неплоха в придумывании, раз муж, недолго просверлив меня взглядом, просто кивает.

Напряжение, которое, оказывается, все это время сковывало мышцы, резко отпускает. Слабость разливается по телу, но успокаиваться рано. Сначала нужно уйти из дома. Убраться подальше от этого места.

Делаю шаг к двери, кладу ладонь на дверную ручку, нажимаю…

— Когда ты вернешься? — жесткий голос мужа заставляет вздрогнуть.

Дрожь прокатывает по телу. Судорожно вздыхаю.

— Вечером, — нехотя выдавливаю из себя, и ведь понимаю, что это правда. Пока я от него никуда не денусь. Пока… — Нужно помочь маме с заказом. Там большой банкет планируется.

Сама в шоке от того, какая складная история получается. По крайней мере, надеюсь, что муж в нее верит. Не могу себя заставить взглянуть на него и убедиться, что все идет, как нужно.

Молчание затягивается.

Прикрываю глаза. Глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю. Жду.

Прекрасно понимаю, что если Миша усомнится в моих словах хотя бы на секунду, я окончательно стану пленницей в собственном доме. И тогда уже никогда не получится уйти от мужа.

Нервные окончания натягиваются до предела. Стук сердца отдается в ушах. Задерживаю дыхание.

— Хорошо, — тихий голос мужа становится моим спасением.

Открываю дверь и вылетаю в утреннюю прохладу осени. Ветер сразу окутывает меня, забирается под ткань бомбера, холодит кожу. Веду плечами, жалея, что не надела пальто, но возвращаться за ним не собираюсь. Тем более, к входу в дом подъезжает черный, блестящий на солнце, мерседес. Останавливается напротив лестницы с бетонными ступенями и коваными перилами. Водительская дверь открывается и из машины выбирается высокий, темноволосый мужчина в черном деловом костюме. Павел раньше часто исполнял роль моего водителя, но в последнее время мы почти не виделись.

— Доброе утро, Людмила Сергеевна, — он огибает машину, открывает заднюю дверцу и поднимает на меня свои невозможные голубые глаза. — Отвезти вас к родителям на работу или домой? — профессиональный тон и пустой взгляд напоминают, что Павел уже много лет без нареканий работает на моего мужа.

Не нужно обманываться, как бы не был лоялен ко мне водитель и по совместительству охранник, его истинная преданность принадлежит только Мише. Ведь именно муж вытащил когда-то Пашу из «болота», которое с каждой секундой затягивало того все глубже и глубже.

Набираю в легкие побольше прохладного воздуха, после чего спускаюсь по лестнице.

— Доброе утро. На работу, — быстро подхожу к машине, забираюсь внутрь.

Павел захлопывает за мной дверь, а я, пристегнувшись, откидываюсь на спинку сиденья. Прикрываю глаза. Окутавшая меня тишина нарушается только звуком открывающейся двери.

Хлопок…

Щелчок защелки…

Урчание двигателя…

Меня начинает размеренно покачивать, но я даже не пытаюсь открыть глаза. Не хочу видеть белый двухэтажный дом с мансардой, который когда-то любила. Сейчас он вызывает такие же ощущения, как «белая» комната — страх и безнадежность.

Сильнее зажмуриваюсь, пытаясь избавиться от накатывающих воспоминаний. Но они словно призраки проникают через защитную стену. Мне приходится постараться, чтобы затолкать их обратно.

Сосредотачиваюсь на дыхании.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Вдох…

Постепенно полностью расслабляюсь, даже не замечая, как накатывает дрема.

Мне снится темноволосый малыш. Он бежит по лужайке ко мне навстречу, широко раскрыв ручки. Приближается, приближается, приближается… Детский смех звоном колокольчиков отдается в ушах. Приседаю, ловлю малыша. Он обхватывает мою шею. Смеется. Сладкий запах маленького ребенка заполняет легкие. Прижимаю малыша к себе как можно крепче. Стараюсь стать с ним одним целым. Обещаю, никогда не отпускать…

— Людмила Сергеевна, мы приехали, — доносится грубый мужской голос.

Открываю глаза. Не сразу понимаю, что нахожусь в машине. Чувство потери сдавливает грудь, режет сердце, не дает нормально вздохнуть. Стискиваю челюсти, стараясь игнорировать болезненные ощущения. Моргаю. Сажусь ровно. Смотрю в лобовое стекло и вижу затемненную

стеклянную дверь, над которой висит вывеска «Кондитерская “Алена”». Я даже не заметила, когда машина остановилась. Перед глазами все еще стоит образ малыша, который преследует меня каждый раз, стоит только расслабиться.

— С вами все в порядке? — Павел бросает на меня бесцветный взгляд в зеркало заднего вида. На его обычно пустом лице мелькает тревога.

Понимаю, что он имеет в виду, только когда чувствую щекотку на щеке. Провожу по ней пальцами, смотрю на них — мокрые. Как обычно…

— Да, все хорошо, — вздыхаю полной грудью и выхожу из машины, не дожидаясь, пока водитель откроет мне дверь.

Ветер снова пробирается через тонкий барьер одежды. Но на этот раз мне совсем не холодно. Я заледенела изнутри. Направляюсь к входу кафе-кондитерской, которое принадлежит моим родителям. Но даже пары шагов не успеваю сделать, как дверь распахивается.

— Люда, как же я рада тебя видеть, — взбудораженная мама вылетает на улицу. Ее темные волосы и белый передник сразу же подхватывают ветер. — Ты слышала, что с Настенькой случилось? Это какой-то ужас!

Перед глазами моментально встает картина, как «Настенька» наливает мне «травяной чай».

Глава 5

— Мама… — хочу остановить женщину-ураган, но она сама тормозит передо мной. Вглядывается в мое лицо и, видимо, не замечает боль, которая на нем отразилась.

— Не знаешь, да? — страдальчески вздыхает. — Настя в больнице. У нее нервный срыв случился. Представляешь? Тетя Лена сегодня позвонила. Плакала в трубку, — тараторит мама. — Она рассказала, что Настенька под капельницей. Оказывается, девочка в последнее время ничего не ела. Изводила себя. Бормотала, что все случившееся — ее вина. Нервное истощение. Это же надо…

Каждое слово мамы словно ножом втыкается в сердце, заставляя его кровоточить. Дышать становится все труднее. Жар агонии проносится по венам, вызывая воспоминания, от которых я стремительно стараюсь убежать. Перед глазами все расплывается. Вижу широкую улыбку «Настеньки», когда та передавала мне чашку с «чаем». Лукавый блеск в ее глазах. Невинное выражение лица.

Я ей доверяла, любила, считала родной. А она лишила меня самого дорогого, что было в моей жизни.

— Мама! — обрываю тираду. — Я не хочу ничего о ней слышать! — отчеканиваю.

Ярость разливается по венам, жжет изнутри. Боль, которая никогда не пройдет, смешивается с гневом, представляя собой огнеопасную смесь. Кажется, стоит только чиркнуть спичкой, и все взлетит на воздух.

Тревога вмиг слетает с лица мамы. Она упирается руками в бока, смотрит на меня, поджав губы.

— Не знаю, что между вами случилось, но это уже перебор! — включает родительский тон. — Я тебя не так воспитывала! Вы же с пеленок дружили.

Ее слова больно жалят, красная пелена застилает глаза.

— Она спала с моим мужем и… — едва не выпаливаю правду, которую скрывала, не желая еще кому-то причинять такую же невыносимую боль, но мама взмахом руки меня прерывает.

— Ну и что? — вперивает в меня пристальный взгляд.

— Ну и что? — вскрикиваю, не веря своим ушам. — Серьезно?!

— Не кричи, — шипит мама, оглядываясь по сторонам.

Хватает меня за запястье. Тащит в кафе. Запах свежей выпечки ударяет в нос, стоит войти в помещение с затемненными окнами и бирюзовыми стенами.

Как только за нами закрывается дверь, мама отпускает меня. Разворачивается ко мне. По сравнению с улицей внутри темнее. Видимо, свет включат только к открытию — я слишком рано приехала. Но даже в полутьме вижу отливающие злостью карие глаза и глубокие морщины на лбу мамы. Именно так она смотрела на меня, когда я не хотела делиться игрушками с младшей сестрой, зная, что та их обязательно сломает. Осуждение во взгляде ни с чем не спутать.

— Я знаю, что ты пережила горе, но… — по тону понимаю, что меня ждет очередная нотация.

— Хватит! — теперь я обрываю ее.

Дышу часто, порывисто. В груди клокочет злость. Она бурлит под кожей. Рвется наружу, не могу ее сдержать. Не могу…

— Ты не знаешь, что я пережила, — судорожно вздыхаю, стискиваю кулаки. — Ты даже ко мне в больницу не приехала, когда я… — у меня снова не получается произнести два страшных слова вслух.

Обида за то, что мне пришлось заливаться горькими слезами на плече у чужого человека — понимающего доктора, которая оказала мне поддержку в тяжелое время, не покидает ни на

секунду. Хочется кричать, метаться из угла в угол, желательно что-нибудь разбить, лишь бы объяснить маме, как мне не хватало ее присутствия в те ужасные дни. Мне нужно было, чтобы меня крепко-крепко обняли, утешили. Все, чего я хотела — почувствовать, что не одна. Но ни мужа, ни мамы не было рядом.

Слезы подступают к глазам. В груди печет. Дыхание спирает. Уже собираюсь спросить, почему мама не приехала ни в самый невыносимый день в моей жизни, ни позже, когда я находилась в «белой» комнате, но мама меня опережает.

— Я не хотела тебя беспокоить, — она заводит свою обычную шарманку, которой, похоже, оправдывается перед собой. Очередная волна разочарования разливается по телу. Я знаю, что услышу дальше. Что-то либо про моего мужа, либо сестру. Родители всегда ставили интересы Зои выше моих. — Тем более, у тебя Миша есть. — У меня едва получается сдержаться, чтобы не закатить глаза. — Вам нужно было побыть наедине. Его поддержка для тебя куда важнее, — мама так резко разворачивается, что даже ее силуэт размывается перед глазами. Она направляется к бирюзовому прилавку с двумя высокими витринами с десертами по бокам и полками у задней стены, заполненными свежеиспеченным хлебом.

Мама легко маневрирует между белыми столиками, расставленными по залу, заходит за стойку, вытаскивает из-под стойки небольшую бутылку воды, открывает ее и выпивает половину. Я же не могу сдвинуться с места. Не понимаю, почему думала, что мама меня выслушает, поддержит. Ей всегда было важно только то, что я оказалась «хорошо пристроена». Остальное ее мало волновало. Но, видимо, после вчерашнего потрясения, мне хотелось банального утешения.

— Кстати, — мама ставит бутылку на стойку и впивается в меня взглядом, — тетя Лена просила передать, что Настенька хочет с тобой увидеться.

Вся кровь отливает к ногам. Мысль о том, чтобы встретиться с «Настенькой» наводит ужас и одновременно вызывает праведный гнев, который струится по венам, скапливается в кончиках пальцев, порождая желание разнести в кафе все к чертям собачьим.

— Нет! — рычу я.

Мама недовольно поджимает губы. Несколько секунд смотрит на меня, а потом впивается взглядом в разнообразные десерты на витрине, приготовленные ее руками. У мамы настоящий талант к выпечке. Она искренне любит свое дело. Не так, как меня.

— Не думала, что вырастила эгоистку, — мама бормочет под нос, мотает головой. На мгновение застывает, после чего ее глаза расширяются, и она снова смотрит на меня. — Ты не знаешь, Михаил сильно занят? Твой папа хотел с ним встретиться.

— Зачем? — хмурюсь, все еще ютясь на пороге.

— Да так. У нас небольшие проблемы с арендодателем. Он вздумал повысить стоимость. Хотим попросить твоего мужа с ним пообщаться, — мама произносит все настолько легко, будто Мише, стоит пальцами щелкнуть, и их арендодатель снизит цену.

Если уж быть совсем честной, то, возможно, мама права. Вот только, в свете последних событий, вряд ли Миша даже пальцем пошевелит, чтобы помочь моим родителям.

— Я не знаю, — единственное, что мне удается сказать.

— Ну ладно. Сама ему позвоню, — мама бросает взгляд на дверь сбоку от стойки. — А ты, кстати, чего приехала?

Теряюсь от вопроса. Мысль, что стоит предупредить маму о предстоящем разводе с мужем, а из-за этого могут пострадать они, возникает в голове. Но почему-то слова застревают в груди.

— Да так, — бормочу. — Навестить хотела.

— А-а-а. Давай, ты в другой раз останешься на подольше? А сейчас мне еще несколько тортов на заказ нужно сделать, и к открытию подготовиться. Ладно? — мама смотрит на меня.

Молчу, сложно что-либо ответить. Невольно опускаю взгляд в пол. Слышу тяжелый вздох, затем глухие шаги. Поднимаю голову.

Мама выходит из-за прилавка и направляется ко мне.

Не могу даже пошевелиться, пока наблюдаю за ее приближением. Мама быстро достигает меня, коротко обнимает, отстраняется.

— Все, иди, — на мгновение заглядывает мне в лицо, улыбается одними уголками губ, после чего разворачивается и уходит на кухню, даже не попрощавшись.

Мне же остается только смотреть, как дверь маятником то открывается, то закрывается. Я бы могла последовать за мамой, потребовать объяснений, почему она задвинула меня и мои интересы в дальний угол, но понимаю, что все бестолку. Поэтому просто разворачиваюсь на пятках, после чего выхожу из кафе в прохладу улицы.

Вот только стоит переступить порог, сразу же застываю.

— Ну как? Предупредила родителей, что им скоро придется закрываться? — муж жестко смотрит мне в глаза.

Глава 6

— Ты следил за мной? — цежу сквозь стиснутые зубы, глядя на Мишу, прислонившегося к капоту машины, на которой я приехала, и сложившего руки на груди.

Злость начинает разгораться в груди. Языки яростного пламени опаляют внутренности. У меня еще не получилось переварить встречу с матерью, где она дала мне отворот-поворот, а тут муж, который должен был оставить меня в покое, явился.

— А если так, то что? — Миша отталкивается от машины и широкими шагами направляется ко мне.

Делаю несколько маленьких шагов назад. Спиной врезаюсь в стекло двери. Но холода, который должен был пробраться через ткань бомбера, не чувствую. Все, о чем могу думать: «Как мне убраться подальше от Миши?».

Оглядываюсь и лишь сейчас замечаю четыре джипа с двух сторон от мерседеса. Тяжело сглатываю — я в западне. Муж, конечно же, не мог прийти один. Только его охраны мне не хватало.

— Ответь на вопрос, — Миша останавливается передо мной.

— На какой? — огрызаюсь.

— На оба, — муж приподнимает бровь.

— Нет! — выплевываю ему в лицо.

Чувствую себя ребенком, которого обидели, и теперь он дуется на весь мир. Но у меня не остается сил на что-то другое. Я просто не в состоянии справиться со всем, что свалилось на плечи в последнее время. А сегодняшний разговор с мамой стал последней каплей. Я очень устала оттого, что меня отшвыривают за шкирку, как никому не нужного котенка. Единственное, чего мне сейчас хочется, чтобы меня оставили в покое. Дали спокойно зализать нанесенные близкими людьми раны и прийти в себя.

Но, видимо, судьба ко мне не настолько благосклонна, потому что муж недолго прожигает меня пустым взглядом, после чего жестко усмехается.

— Поехали, — указывает головой на машину, из которой, как по команде, выходит Павел.

— Куда? — хмурюсь.

— У меня внеплановый бранч с возможным партнером. Поприсутствуешь на нем, — муж тянется к моей руке, но я завожу ее за спину.

— Не хочу, пусть Паша отвезет меня домой, — я уж точно не собираюсь играть роль счастливой жены перед каким-то богатеем, когда внутри творится настоящий ад.

— Ты поедешь со мной! — безапелляционно заявляет муж и пытается взять меня за вторую руку. Ее тоже прячу.

— Зачем я тебе там нужна? — кусаю щеку, подавляя желание послать мужа в заднее место, хотя очень хочется. Но что-то подсказывает, что это мне же обернется боком.

— Потому что я так сказал! Этого недостаточно? — Миша щурится, как бы предупреждая «только попробуй поспорить».

Вот только во мне просыпается бунтарский дух. Похоже, начинаю приходить в себя после разговора с мамой, от которого я была настолько шокирована, что толком ничего сказать не могла.

— Нет, недостаточно, — копирую выражение лица мужа.

В его глазах загорается опасный огонек. Не успеваю даже вдоха сделать, как оказываюсь висящей вниз головой на плече мужа. Твердые мышцы давят на живот, вытесняя из меня весь

воздух. Я так потрясена, что даже пошевелиться не могу. Зато муж не стоит на месте, разворачивается и направляется прямо к мерседесу.

Его тяжелые шаги отдаются ударами в голове, помогая моему разуму вернуться на место. Начинаю осознавать произошедшее, и как это выглядит со стороны.

— Отпусти меня, — пытаюсь оттолкнуться от спины мужа, вывернуться.

Миша подбрасывает меня в воздух. Мне приходится схватиться за его пиджак, чтобы не упасть. Страх сковывает каждую мышцу, я толком вздохнуть не могу.

Мое сопротивление не мешает Мише спокойно дойти до машины. Паша открывает ему дверь, после чего муж медленно спускает меня вдоль своего тела.

Оказываюсь с Мишей лицом к лицу. Смотрю прямо в его черные глаза. Гнев прыскает в вены. Дыхание учащается. Собираюсь рассказать мужу, какой он козел, но не получается даже рта открыть.

Миша, придерживая мою голову, заталкивает меня в салон автомобиля и захлопывает дверцу. Сам же обходит машину, оставляя своего «верного пса» меня караулить.

Собираюсь метнуться ко второй дверце, но как только начинаю переползать, она распахивается.

Гневно выдыхаю, откидываюсь на сиденье.

Миша садится рядом. Краем глаза замечаю, как Паша тоже начинает двигаться вперед. Слежу за тем, как он огибает автомобиль, забирается внутрь и заводит двигатель. На самом деле, мне плевать, куда смотреть, лишь бы не на мужа, который достает телефон из кармана брюк и пристегивается.

Машина приходит в движение, поэтому я следую примеру мужа. Как только раздается щелчок ремня, меня придавливает полоской плотной ткани. Складываю руки на груди и поворачиваюсь к окну.

Обычно сменяющийся бетонный пейзаж помогает успокоиться, но не сегодня. Вся заведенная я ерзаю на сиденье, удобного положения найти не получается. Раздражение подпитывает злость на мужа, отвержение собственной матери и, конечно, новости про…

— Это ты помог Насте выбраться из заключения? — резко разворачиваюсь к мужу.

Миша отрывается от телефона, медленно поднимает на меня свирепый взгляд.

— Что ты сейчас сказала? — рычит, а в его глазах разливается тьма.

Глава 7

— Это ты ей помог?! — повышаю голос.

Стоит мне только подумать об… этой твари, у меня внутри все сжимается. А когда вспоминаю ужас, который она сотворила со мной и моим ребенком из-за моего же мужа, мне плохо становится.

— О чем ты говоришь? — в прищуренных глазах Миши появляются опасные огоньки.

Но я не боюсь.

Сейчас в груди клокочет лишь злость. Она смешивается с болью потери. Не дает нормально мыслить. Я только недавно вновь обрела себя, и вот он — очередной удар.

— Хочешь сказать, информация, что она в больнице с нервным срывом, прошла мимо тебя? — выплевываю мужу в лицо.

Миша сужает глаза, поджимает губы. Его ноздри раздуваются. Он так крепко сжимает телефон, что до меня доносится треск.

Неужели, и правда, не знал? Мои брови ползут вверх. Да ладно?

Миша бросает взгляд на водителя. Павел ловит его в зеркале заднего вида, коротко кивает, после чего муж снова сосредотачивается на своем телефоне. Я же закипаю изнутри. Ему плевать? Да? Эта тварь убила нашего ребенка, а ему плевать?

Догадка озаряет. Меня резко бросает в холод.

— Где ты был в тот день? — не узнаю свой голос, настолько хрипло он звучит.

Горло перехватывает. Дышать становится тяжело.

Пальцы подрагивают, и я сцепляю их. Зажимаю между бедер.

Прожигаю взглядом мужа, жду ответа, которого нет всего мгновение, а кажется, что вечность.

— Про какой день ты говоришь? — Миша даже не отрывается от телефона, что-то быстро пролистывает.

— Про тот самый, — челюсти сводит от того, как сильно я их стискиваю.

Муж пару секунд молчит, после чего блокирует экран и смотрит на меня. Его глаза пустые, безжизненные. На лице нет ни единой эмоции.

Внутренности стягиваются в тугой узел. Такого Мишу я никогда не видела. Словно смотрю на оболочку. Пустую. Душа будто покинула его тело, оставляя только жесткий каркас человека.

— У меня в жизни было много «тех дней», — произносит он безэмоционально. — Говори конкретнее.

Боль стреляет в сердце. Желание знать правду и агония от воспоминаний сплетаются внутри. Не могу ни то, что думать. Дышать с трудом получается. Но я понимаю, что мне придется произнести эти слова вслух. Давно уже должна была спросить, но стоило открыть рот, как слова застревали в груди. Такое чувство, что они столкнулись в выстроенной мною плотине между реальностью и случившимся. Но продолжали рваться из меня, стучали по стене, в итоге пробивая в ней дыру. Понимаю, что больше ждать нельзя — еще чуть-чуть, и плотина рухнет. И тогда неизвестно, что будет.

На секунду прикрываю глаза. Тяжело вздыхаю. Вновь смотрю на мужа.

— Где ты был в день, когда я потеряла ребенка? — мой голос звучит слабо.

Застываю. Миша тоже не двигается.

Сначала кажется, что он не ответит. Он даже не дышит. Только по движению зрачков, которые исследуют мое лицо, осознаю, что он не превращается в статую.

Ожидание угнетает. Тело немеет. Дышу через раз.

Стук сердца отдается в ушах. Звучит так громко, что я не слышу, когда двигатель машины перестает работать. Мы останавливаемся.

— На встрече, — отвечает муж уклончиво, но при этом голос его тверд.

— На какой? — спрашиваю уже тверже, не собираюсь униматься.

— С каких пор тебя интересуют мои встречи? — муж чуть склоняет голову набок.

— С этих самых, — огрызаюсь. — Ответь на вопрос! — сильнее сжимаю руки.

— Мой ответ ничего тебе не даст, — муж отстегивает ремень безопасности. — Я приехал в больницу, как только узнал о случившемся. Ты уже спала. Остался на ночь и следующие несколько дней провел с тобой. Этого недостаточно? — нажимает на защелку моего ремня. — Выходи.

— Ты был с ней? — впиваюсь зубами в язык, но боли не чувствую.

Она сливается с той, которая пожирает меня изнутри, забирая себе остатки души.

— Выходи, — муж сдвигает брови к переносице. Его глаза сужаются.

— Я никуда с тобой не пойду, — отодвигаюсь от него подальше. — Ответь на вопрос.

— Ты пойдешь на эту встречу в любом случае и будешь вежлива с людьми за столом, — он вкрадчиво выговаривает каждое слово.

— Иначе? Договаривай, — вжимаюсь в дверцу, но зрительного контакта не прерываю. — И на вопрос ответь… Ты был с Настей тем вечером?

Уголок губ Миши ползет вверх.

— Тебе настолько понравилось кататься у меня на плече? — коварно усмехается.

Вопрос при этом игнорирует.

Глава 8

— Ты не посмеешь, — произношу на выдохе. Внутри все сжимается.

Миша пристально смотрит на меня, как бы говоря «попробуй, проверь», после чего отталкивается от спинки сиденья, открывает дверцу со своей стороны и очень быстро выходит из машины. Если бы моргнула, то подумала, что он растворился в воздухе.

Задерживаю дыхание.

Хоть не смотрю на мужа, но затылком чувствую, как он огибает машину. Кожу печет, покалывает. Тело реагирует на передвижение мужа. Оно настроилось на режим защиты. Чувствую себя ланью, которая попалась на глаза хищнику и пытается не шевелиться, чтобы его не спровоцировать.

Дрожу.

Через окно краем глаза замечаю мужа.

Он полностью загораживает собой свет. Мгновение не двигается, после чего открывает дверь.

Я тут же прихожу в себя. Дергаюсь в другую сторону. Но Миша хватает меня за плечо, впивается в него пальцами.

Шиплю больше от злости, чем от боли.

Набираю в легкие побольше воздуха, собираясь закричать. Плевать, если кто-то услышит. На все плевать! Вот только даже звука не получается издать, как муж нависает надо мной.

Его лицо прямо напротив моего. Чувствую горячее дыхание на своих губах. Черные глаза ловят мой взгляд. Гипнотизируют.

Тело немеет. Внутренности стягиваются в тугой узел.

Мгновение, и муж хватает меня за талию, вытаскивает на улицу. Я моргнуть не успеваю, как оказываюсь прижата к холодному металлу, а Миша, уперевшись руками в машину, заковывает меня в капкан своих рук.

Муж находится так близко, что при каждом вдохе его грудь касается моей. Меня окутывает мускусный аромат с нотками табака. Во рту пересыхает. Дыхание застревает в груди.

— Так что? — муж вздергивает бровь. — Сама пойдешь? Или тебя понести?

Из меня выбивает воздух. «Узел» взрывается, заставляя меня сгорать от ненависти.

— Пусти, — цежу сквозь стиснутые зубы, не отрывая от мужа яростного взгляда.

В пустых глазах Миши что-то мелькает. Заинтересованность? Азарт?

Муж принимает вызов.

— Иначе что? Договаривай, — возвращает мои же слова.

Мне бы испугаться, ведь хищник решил поиграть со своей добычей. Вот только в тот самый день во мне что-то сломалось. Я больше не та Люда, которая во всем слушалась мужа, поддерживала его, заботилась. Вера в светлое будущее… любовь разбилась на осколки. Их острые края при каждом вдохе впиваются в сердце, напоминая о том, что я потеряла по вине мужа. Если бы он был верен, я уже не говорю о любви, то ничего бы не произошло. Но Миша наплевал на мои чувства, поставил свои «потребности» выше нашего брака, даже мою «подругу» обойти стороной не смог. Из-за него я лишилась всего. Поэтому мне не до страха. Я смотрю прямо в черные омуты мужа. Крепко сжимаю челюсти, даже не моргаю. Показываю ему, что у него больше нет власти надо мной. Он может сколько угодно шантажировать меня, приковывать к себе, но его предательство выжгло все эмоции в моей душе, уничтожило чувства, которые я когда-то испытывала, оставив ту же пустоту, которая застилает его глаза.

— Михаил, — мужской голос звучит совсем близко. — Вы не нас ждете?

Мы с мужем одновременно поворачиваем головы.

Рядом с нами останавливается пара. Статный пожилой мужчина в сером костюме и шляпе держит под руку светловолосую женщину в длинном молочном платье из плотной ткани. Они оба широко улыбаются, переводя взгляд с меня на мужа и обратно.

— Светлана, давно между нами такие искры не летали. Как думаешь, может, мы что-то делаем не так? — мужчина с любовью смотрит на спутницу.

— Хм… возможно, нам есть над чем подумать. Давай дома обсудим, — она улыбается еще шире, после чего бросает взгляд на ресторан, находящийся за нами. — Давайте пойдем внутрь? А то зябко как-то, — женщина ведет плечами.

Мужчина тут же становится серьезным. С тревогой осматривает, похоже, свою жену, после чего переводит взгляд на Мишу.

— Вы готовы? — поджимает губы.

— Нам нужно две минуты, — безэмоционально произносит муж.

Мужчина, похоже, потенциальный партнер, кивает, после чего они вдвоем с супругой огибают нас и направляются к входу из матового стекла. Как только пара скрывается за дверями ресторана, перевожу пронизывающий взгляд на мужа.

— Пусть Павел отвезет меня домой, — чеканю слова.

— Уверена? — Миша приподнимает бровь. — Уже не хочешь выяснить, где я был тем вечером?

— Что ты имеешь в виду? — хмурюсь.

— Пойдешь со мной на встречу, узнаешь ответ на вопрос, который задала мне в машине, — муж, явно, издевается надо мной. Провоцирует.

Скольжу взглядом по его лицу. Пытаюсь понять, говорит ли он правду. Но вижу лишь знакомую, безэмоциональную маску, через которую не пробиться. В любом случае, после случившегося доверять Мише я точно не могу. Вот только желание узнать больше о той ночи не дает мне покоя. Я должна понять причину, почему Миша довел до того, что я лишилась самого дорогого в жизни. Должна!

Глубоко вздыхаю.

— Я только сумку заберу, — толкаю мужа в грудь.

Миша делает шаг назад, а я наполовину забираюсь в салон автомобиля. Подхватываю с сиденья сумочку, вешаю металлический ремешок в виде цепи на плечо, на мгновение прикрываю глаза, стискиваю зубы и выбираюсь из машины. Муж все это время не отводит от меня взгляда. Чувствую его всем телом. Хочется провести по себе руками, чтобы избавиться от зуда на коже.

— Готова? — Миша чуть склоняет голову набок.

Киваю, цепляясь за цепочку. Но даже шага не успеваю сделать, как чувствую вибрацию от телефона, которая, проходясь по металлическим звеньям, отдается в ладони.

Она быстро прекращается, но любопытство пересиливает. Открываю сумку и достаю гаджет. Разблокирую экран, вижу уведомление о сообщении, пришедшем с незнакомого номера.

Открываю его и… едва не роняю телефон.

«Прости меня. Давай поговорим?» — черные буквы расплываются на белом фоне.

Глава 9

— Что там у тебя? — голос мужа звучит напряженно.

Моргаю. Зрение сразу же становится четким.

— Не знаю, — поджимаю губы. — Незнакомый номер, — пожимаю плечами и блокирую экран. — Скорее всего, ошиблись, — засовываю телефон обратно в сумку. — Идем? — вздергиваю бровь.

Муж не двигается, пристально смотрит на меня. Почему-то появляется ощущение, что пытается понять, есть ли ложь в моих словах, я едва подавляю желание покачать головой.

Хочется спросить:

«Что, милый, паранойя? Боишься, что за твоей спиной строю планы, как от тебя уйти?».

Конечно, мой голос был бы наполнен сарказмом. Но решаю промолчать. Ведь уйти от мужа я действительно собираюсь, просто пока не знаю, как это сделать. Но найду способ. Обязательно найду!

Жаль, что сейчас у меня есть первоочередная задача — раскрыть последнюю тайну злополучной ночи, чтобы хоть немного успокоиться. Знаю, рана в груди не затянется никогда, но, по крайней мере, я не буду мучиться вопросами и сомнениями.

— Ты передумал? — чуть склоняю голову набок, пристально смотрю в черные глаза мужа. Он тут же отвечает на мой взгляд, цепляет его, пытается считать, что тот означает. Вот только Мишу ждет разочарование — за годы жизни с человеком, который профессионально умеет менять маски, я тоже научилась парочке трюков.

Наверное, поэтому уголок губ мужа ползет вверх, когда выдерживаю его внимание, даже не моргнув. Он понимает, что я не только бросаю ему вызов, но и принимаю правила его игры.

— Пошли, — Миша разворачивается, направляется к входу в ресторан.

Я же коротко победно улыбаюсь, цепляюсь за цепочку сумочки, следую за мужем. Знаю, Миша позволил мне одержать верх в нашей схватке, но я рада даже этому. Вот только… что-то не дает покоя. Какой-то червячок грызет изнутри и не позволяет расслабиться. Но он не мешает войти в ресторан через дверь, поддерживаемую для меня мужем.

Взгляд сразу же цепляется за сдержанный интерьер. Его даже можно назвать классическим. У входа расположена стойка, за которой встречает гостей темноволосая девушка-хостес в черном брючном костюме. Она проводит нас по небольшому вестибюлю с бежевыми стенами, где находятся пара кожаных диванчиков, в просторный светлый зал ресторана. Одну стену полностью заменяют окна, занавешенные тяжелыми коричневыми шторами и почти прозрачной тюлью. С другой же стороны замечаю несколько арок с деревянными дверями, над ними возвышается балкон. Наверху расположены несколько покрытых белыми скатертями и сервированных по высшему разряду столиков, таких же, как и те, мимо которых мы проходим.

Хостес провожает нас в мини-зал за арочной дверью на дальней стене. Стоит нам с Мишей зайти внутрь, как мы сразу же ловим два любопытных взгляда.

— Я уже подумал, вы не придете, — партнер мужа добродушно улыбается, поднимается из-за стола, выходит к нам навстречу. — Михаил, представишь меня своей прекрасной жене? — все его внимание сосредоточено на мне.

— Конечно, — Миша кладет руку на мою поясницу, отчего я вздрагиваю. — Люда, познакомься с Петром Павловичем и его женой Светланой Викторовной.

— Миша, я же просила называть меня просто Света или, на худой конец, Светлана, — женщина подходит к своему мужу, берет его под руку. — Я так понимаю, вы и есть та самая Людмила. Я очень рада с вами, наконец, познакомиться, — на лице женщины растягивается настолько широкая улыбка, что мне становится неуютно.

— Да, мы давно ждали этой встречи, — ее муж тоже выглядит… довольным.

Не понимаю, что здесь происходит. Совсем. А Миша, как назло, стоит истуканом и не собирается ничего объяснять.

— Мне тоже приятно познакомиться, — выдавливаю из себя, стараясь не реагировать на жар, который распространяется по коже от места, где меня касается муж.

— Что же мы в дверях-то стоим? — Светлана меняется в лице, вместо благоговейного выражения появляется необъяснимая тревога. — Давайте сядем.

Женщина начинает суетиться, отчего я совсем теряюсь. Вроде бы Миша говорил, что нас ждет деловая встреча, но все происходящее больше напоминает посиделки старых друзей, о которых я даже не слышала.

Но все же уйти не решаюсь, наоборот, следую за странной парой к столу, сажусь на отодвинутый мужем стул с мягкой золотистой обивкой и наблюдаю за тем, как Петр и Светлана занимают свои места.

Освещения, проникающего через большое окно сбоку, вроде бы должно хватать, но почему-то торшеры, стоящие по углам, включены, как и люстра, висящая прямо над нами. Она чем-то по стилю напоминает викторианскую.

Хоть помещение небольшое, но бледно-бежевые стены и обилие света увеличивают его в размерах.

— Что будете заказывать? — Светлана берет со стола кожаную папку с меню, после чего страничка за страничкой перелистывает ее. — Я, пожалуй, остановлюсь на авокадо-тосте с лососем. Что-то ничего тяжелого не хочется.

Пока мы выбираем блюда, в комнату заходит рыжеволосый официант с веснушками, рассыпанными по всему лицу. Он быстро принимает наш заказ и, заверив, что все будет готово в кратчайшие сроки, скрывается за дверью.

— Предлагаю, пока мы ждем, поговорить о будущем проекте, — Миша откидывается на спинку стула.

— Это успеется, — в голосе Петра Павловича одновременно проскальзывают добродушные и предупреждающие нотки. — Лучше расскажи мне, как идут дела в твоей компании. Проблема с поставщиками решилась? — мужчина берет со стола бокал, наполненный водой.

Светлана тяжело вздыхает. Ей, видимо, не нравится, что речь зашла о работе. Но она ничего не говорит, просто следует примеру мужа, выпивает большой глоток.

— Мы сменили их на других, — Миша бросает на меня быстрый нечитаемый взгляд.

Стискиваю челюсти. Не понимаю, зачем муж привел меня на эту встречу. И обещанный ответ на вопрос тоже пока не слышу.

— Нашли дешевле? — Петр Павлович вздергивает бровь.

Черты его лица ожесточаются. Он, словно коршун, наблюдает за моим мужем. Кажется, что даже не дышит, пока ждет ответа.

— Нет, — жестко произносит Миша. Похоже, что предположение Петра задело его самолюбие. — Нашли материалы по той цене, которую нам заломили, но лучшего качества. Если уж за что-то платить, то это должно быть действительно стоящим.

Петр тут же расслабляется. Его плечи опускаются. Он, явно, удовлетворенный ответом, улыбается.

— Как ваши дети? — муж поворачивает голову к Светлане.

Я же вздрагиваю. Дыхание спирает в груди, а глаза распахиваются. Скорее всего, даже краски с моего лица сходят. Я пока не готова к разговору о детях. О любых детях. Совсем не готова. Раны в моем сердце все еще кровоточат.

Зато Светлана воодушевляется. Тут же отрывается от спинки стула, ставит бокал на стол. Ее глаза начинают счастливо блестеть.

— Ой, вы же не знаете, да? Они конкурс выиграли, — даже не пытается сдержать широкую улыбку, а сколько гордости звучит в ее голосе. — Забрали главные призы, и вдобавок

президентскую стипендию получили, которая покроет обучение вокальному мастерству. Они, конечно, сейчас кичатся выигрышем, ходят, задрав нос. Но я с этим ничего не делаю. Пусть радуются, заслужили, — любовь пропитывает каждое слово женщины.

Видно, что она — прекрасная мать.

Мать…

До боли кусаю язык.

— Они молодцы, — муж всегда был скуп на комплименты.

— Как я поняла, у вас нет детей, да? — аккуратно спрашивает Светлана, спустя несколько секунд молчания, обращаясь ко мне.

Боль стрелой проносится по телу. Отдается в каждом нервном окончании. Заставляет кожу гореть.

Перед глазами всплывает мое отражение в зеркале в розовом платье и с легкой улыбкой на лице.

Кладу руку на округлившийся живот, прикусываю губу.

— Скоро мы с тобой встретимся, малыш, — глажу его.

Еще немного и наш дом наполнится детским плачем. Я смогу подержать на руках свою крошку. Нежно-нежно поцеловать малыша в носик. Увидеть, какого цвета будут его или ее глазки, волосики. Буду наблюдать, как он растет, становится самостоятельной личностью. Начнет принимать свои решения, делать ошибки. Но всегда будет моим ребенком, которого я буду поддерживать и оберегать.

Резко разворачиваюсь. Завязанные в хвост волосы хлещут по лицу, но мне все равно. Окидываю взглядом спальню для гостей с белыми стенами, большой кроватью и собственной ванной.

«Да, из нее получится отличная детская», — внутренне ликую, представляя будущий дизайн.

— Простите, — ножки стула скрипят по паркету, когда я резко встаю.

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и стремительно выхожу из комнаты. Оглядываюсь по сторонам. В углу зала краем глаза замечаю обычную деревянную дверь с золотыми буквами WC. Моментально иду к ней, распахиваю и оказываюсь в узком помещении, где с одной стороны на стене, покрытой белой с золотыми вкраплениями плиткой, висит длинное зеркало с мраморной столешницей под ней. В нее встроены две белоснежные раковины с золотыми кранами, находящиеся на приличном расстоянии друг от друга. С другой же стороны вижу четыре двери, ведущие в туалеты. Но они мне не нужны. Все, чего я хочу — немного побыть одной, успокоиться. Вернуть хотя бы часть душевного равновесия, за сохранность которого в последние месяцы держусь изо всех сил.

Подхожу к зеркалу, упираюсь руками в столешницу, смотрю на себя и вижу… пустоту. Она отражается в глазах. Захватывает разум, тело. Кажется, будто с потерей ребенка исчезла частичка меня, превратилась в прах и теперь ничего не может занять ее место. После того, что я пережила, уже никогда не смогу стать прежней.

Дверь в уборную неожиданно распахивается. По моему телу пробегает множество мелких электрических разрядов. Они покусывают кожу, заставляют мышцы наливаться сталью. Только один человек может вызвать у меня такую реакцию.

— Скажи, ты решил меня добить? — шиплю, не глядя на мужа, но зная, что именно он стоит в проходе.

Глава 10

— О чем ты? — Миша подходит ближе.

Я сильнее напрягаюсь. Хотя, казалось бы, куда еще больше. Но мышцы будто металлом наливаются, а дыхание спирает в груди, когда я вижу в отражении мужа.

Он останавливается сбоку от меня. Поворачивается. Ловит мой взгляд в зеркале.

Задыхаюсь.

Когда-то мы были красивой парой. Статный муж, от которого с первого взгляда веет властью, и хрупкая, нежная жена. Раньше, стоило мне посмотреть на Мишу, тепло разливалось в груди. Я чувствовала, что этот мужчина мой, родной. Сейчас же… не осталось ничего. Только дыра в груди, которая болит так сильно, что даже дышать удается с трудом. Чувство потери выжигает душу дотла, оставляя после себя лишь пустоту.

— Объясни, зачем ты привел меня на эту встречу? — говорю на удивление спокойно, хотя горло перехватывает.

Не прерываю зрительного контакта с мужем. Стараюсь размеренно дышать. Сильнее вжимаю пальцы в столешницу.

— Хотел помочь тебе снова начать жить, — отвечает в своей обычной безэмоциональной манере Миша, засовывая руку в карман брюк.

Даже не пытаюсь скрыть смешок. Жить? Снова? После всего, что случилось?

— Так же, как тогда, когда засунул меня в ту клинику? — желчь наполняет каждое слово.

— Я уже признал свою ошибку, — ни один лишний мускул на лице Миши не дергается.

— Ошибку? — пламя ярости вспыхивает в груди, подпаливает остатки души, которых и так осталось немного. — Ошибку?! Хоть представляешь, в каком я была состоянии в то время? Ты сделал только хуже! — отталкиваюсь от столешницы, поворачиваюсь к мужу, смотрю прямо ему в глаза.

Он отвечает прямым тяжелым взглядом. Теперь между нами нет преграды в виде зеркала, и боль становится только сильнее. Я думала, что выплакала все слезы. Надеялась, ничего не осталось. Но глаза начинают жечь. Судорожно вздыхаю, стараюсь не позволить очередной волне эмоций захватить меня.

Боюсь, правда, боюсь, что может произойти, если плотину между чувствами и разумом прорвет.

— Я знаю, — моргает. — Я видел.

Всего четыре слова. Четыре. А из меня выбивает весь воздух. Четыре простых слова, а тело начинает гореть. Не могу ни дышать, ни говорить.

Он видел, что со мной происходит, и ничего не сделал?

Предпочел смотреть, как его преданную жену запирают в «белой комнате». Мне давали непонятные препараты, которые отнимали последнее, что у меня на тот момент осталось — меня.

Мне и без того было больно. Так сильно, что я не могла бороться со своими эмоциями. Заперлась в комнате. Лежала на кровати. Плакала, плакала, плакала…

Я пыталась справиться с потерей малыша, которого хотела всем сердцем, ждала всей душой. Мое сердце разбилось на осколки, все внутри кровоточило, а вместо того, чтобы поддержать меня, на худой конец, просто обнять, муж решил, что мне помогут в «частной клинике». Я настолько была поглощена горем, что даже не поняла, куда он меня привез. А потом… было поздно.

Практически не помню то время. Все слилось воедино. Дни, недели, месяцы — даже не знаю, сколько времени провела взаперти. Мой разум помутнел, перенес меня в выдуманный

мир, выстроил барьер между ним и реальностью. Помню лишь, что ждала. Каждый день ждала. До сих пор не знаю, чего именно…

Ребенка, которого у меня отняли?

Мужа, которого любила всей душой?

Родителей, которые ни разу не приехали ко мне?

Я все ждала, ждала, ждала…

Но никто не приходил, пока однажды дверь не открылась.

Муж забрал меня из «белой комнаты», после чего начался настоящий ад.

Прикрываю глаза, пытаясь справиться с воспоминаниями, которые все накатывают и накатывают. Стискиваю челюсти. Сжимаю кулаки.

Притупившаяся боль вспыхивает с новой силой. Воспаляет нервные окончания. Переворачивает все внутри.

Но…

Понимаю — я привыкла к ней. Она так сильно срослась со мной, что стала частью меня. Поэтому позволяю ей пропитать каждую клеточку тела, слиться с сердцем, овладеть мною.

Открываю глаза. Пристально смотрю в черные омуты мужа.

— Ты был нужен мне тогда, — произношу твердо. — Не сейчас.

Миша сдавливает губы, но ничего не говорит.

Мы смотрим друг на друга, не моргаем, словно два человека, у которых все внутри умерло. Сердце замедляет ход. Напряжение покидает мышцы. Именно в этот момент четко осознаю — нам больше никогда не быть вместе. Даже если бы Миша раскаялся, попросил прощения, попытался загладить вину, ничего бы не изменилось. В паре должен быть хоть один «живой» человек, который смог бы зажечь искру в другом. А от нас обоих осталась лишь… оболочка.

Телефон неожиданно начинает вибрировать в сумочке, разрушая последнюю связь между нами. Тяжелая атмосфера рассеивается. Медленно выдыхаю, отвожу взгляд.

Вибрация затихает, а в следующее мгновение гаджет снова начинает звонить. Достаю его из сумки. Вижу очередной незнакомый номер, хмурюсь, отвечаю.

— Да, — произношу тихо, прикладывая телефон к уху.

— Люда, — мгновенно узнаю женский с тягучими нотками голос. — Давай поговорим, пожалуйста. Прости м…

Телефон выскальзывает из пальцев.

Глава 11

— Миша сужает брови у переносицы, прожигает меня пристальным взглядом. После чего наклоняется к телефону, который валяется на полу у моих ног, поднимает его. Прикладывает гаджет к уху.

— Да, — произносит строго. — Я вас слушаю, говорите.

Мгновение, и в тишине дамской комнаты раздаются короткие гудки. Миша хмурится.

— Кто это был? — протягивает мне телефон, не шевелюсь. — Люда, — сокращает между нами расстояние. Поднимает пальцами мою голову за подбородок. — Говори! — приказывает.

— Н… — горло сводит, когда я пытаюсь выдавить знакомое имя.

Прохожусь языком по пересохшим губам.

Растерянность с непонятно откуда взявшимся страхом постепенно отступает на задний план. Их место занимает ярость. Жгучая, яркая, застилающая глаза. Она опаляет вены, заставляет пламя ненависти разгораться внутри.

Из-за этой дряни я потеряла своего ребенка, а она еще смеет мне звонить?! Стискиваю кулаки.

— Угадай, — приподнимаю бровь, выдергиваю подбородок из жесткой хватки.

Делаю шаг назад и сверлю мужа пронзительным, полным ненависти взглядом. Это он во всем виноват!

Миша щурится, сужает брови у переносицы, смотрит на меня так, будто собирается проникнуть в голову.

— Понял, — снова протягивает мне телефон. В этот раз забираю его, крепко сжимаю. — Пошли, — указывает головой на дверь.

Не двигаюсь. Больше не собираюсь слушать его приказы. Тем более, на мой вопрос он так и не ответил. Хотя… плевать! Мне это уже не нужно. Все, чего я хочу — чтобы меня оставили в покое.

Вот только, похоже, муж по глазам считывает мое намерение возразить ему. Словно тигр бросается ко мне, хватает за запястье и, не говоря ни слова, тащит к выходу. Я сориентироваться не успеваю, как он выволакивает меня из туалета в зал ресторана. Широкими шагами пересекает его. Останавливается у комнаты, где мы расположились с его партнером. Но не успевает открыть дверь, как она сама распахивается, а к нам навстречу выходят Петр Павлович с женой.

— Прошу прощения, нам нужно срочно уехать, — Миша отодвигается в сторону, чтобы дать выйти паре, с которой мы так и не позавтракали.

— Да, меня тоже вызвали, — Петр Павлович поджимает губы, после чего переводит взгляд сначала на наши с мужем руки, а потом на меня. — С вами все в порядке? — в его глазах мелькает искренняя тревога.

Шальная мыслишка насолить Мише вспыхивает в голове, но я быстро ее отметаю. Если хочу уйти от мужа, нужно действовать аккуратно. Не стоит дергать тигра за усы.

— Да, все хорошо, — выдавливаю из себя.

— Людмила, — взволнованно окликает меня Светлана. — Я хочу попросить прощения за некорректный вопрос. Не понимаю, почему задала его. Заговорилась, похоже. Знаю же, как тяжело вам его слышать, — сцепляет пальцы перед собой и крутит их.

У меня брови ползут вверх. Что она имеет в виду? У нее же есть дети…

Да, какая разница? Это сейчас неважно. Лучше успокоить бедную женщину, которая, без сомнений, переживает из-за совершенной оплошности. Тревога исказила ее прекрасное лицо.

— Не волнуйтесь, — стараюсь говорить мягко. — Ничего страшного не произошло, — улыбаюсь, как можно, искренне. Но, скорее всего, грусть не уходит из моих глаз.

«Все страшное я уже пережила», — вертится на языке, но я проглатываю слова.

— Еще раз прошу прощения, что так получилось, — голос Миши звучит вычурно вежливо. — Давайте встретимся в другой раз. Как насчет ужина, чтобы нас больше не выдергивали?

— Хорошая идея, — Петр Павлович коротко кивает. — Скажи своей помощнице связаться с моей.

— Договорились.

Мужчины пожимают руки.

Мы вместе выходим из ресторана, и после привычного обмена любезностями направляемся к машинам.

Павел, замечая нас, тотчас вылетает на улицу. Огибает автомобиль, открывает заднюю дверцу. Миша помогает мне забраться в салон и только после этого отпускает многострадальное запястье.

— Паша, отвези мою жену домой, — приказывает, не спросив меня, чего я хочу. — Ты все выяснил?

— Да, информация у вас на почте, — профессиональным тоном произносит водитель.

— Тогда можете ехать, — муж наклоняется ко мне. — Вечером буду дома, мы поговорим. Давно пора, — выпрямляется и захлопывает дверцу машины.

Я даже ответить ему ничего не могу, потому что он сразу направляется к одному из джипов охраны, припаркованных поодаль. Павел тоже возвращается в машину и, ничего у меня не спрашивая, заводит двигатель. Я едва успеваю пристегнуться, как мы выезжаем на проезжую часть и встраиваемся в дорожное движение.

В голове полный кавардак. Мысли путаются. Перескакиваю с одной на другую. Сосредоточиться совсем не получается. Мне нужно подумать, принять решение, как выбираться из ада, в который превратилась моя жизнь. Но зацепиться ни за что не удается, из-за чего злюсь еще больше.

Сначала нужно успокоиться.

Разговор с мамой, а потом утро, проведенное с мужем, выбили меня из колеи. Звонок бывшей подруги добил окончательно. Не думала, что снова услышу ее.

Поворачиваю голову к окну. Наблюдаю, как снаружи мелькают здание за зданием, деревья за деревьями. Людей на улице тьма, даже несмотря на то, что рабочий день. Страшно представить, сколько их будет в выходной.

Взгляд цепляется за реку. Идея приходит мгновенно.

— Останови машину, — произношу на удивление твердо, хотя я думала, голос сел.

— Михаил Александрович приказал отвезти вас домой, — не взглянув на меня, спокойно отвечает Павел.

Ярость с новой силой вспыхивает в груди. Муж не может контролировать мою жизнь! А водитель тем более!

— А я сказала — останови! — цежу, прищурив глаза. — Я собираюсь прогуляться, если хочешь, можешь последовать за мной, — добавляю, когда понимаю, что мой срыв ничего не даст.

Этот предатель подчиняется только моему мужу.

Павел бросает на меня взгляд через зеркало заднего вида. Приподнимаю бровь. Водитель качает головой, снова смотрит на дорогу, и я уже решаю, что мой выпад ни к чему не привел, как машина сворачивает к обочине.

Останавливается.

Не верю своему счастью. Пока Павел не успевает сообразить, что пошел наперекор своему боссу, вылетаю из машины.

Набережная встречает шумом машин, смешанным с гомоном голосов, клаксонами речных трамвайчиков и ароматом… трясины. Но меня не пугает ничего. Сейчас я хочу побыть одна, не думать ни о чем, просто идти.

Сразу же исполняю свое желание.

Вот только как бы я ни пыталась прочистить голову, навязчивые вопросы все равно просачиваются через стену, которую мне удалось возвести.

Что Настя хотела?

Зачем ей нужно говорить со мной?

Как она вообще посмела позвонить?

После того, как я потеряла ребенка, не видела ее. Она не пришла меня навестить ни в больницу, ни в клинику. Хотя на тот момент я не знала, что все случившееся — ее вина. Скорее всего, думала, что избавилась от соперницы. Поэтому крутилась вокруг моего мужа. Становится противно, стоит только подумать, что это я решила помочь, по доброте душевной, ей быстро найти работу, когда она потеряла предыдущую. Устроила ее в компанию мужа. Получается, я сама же толкнула Мишу в постель к «лучшей подруге». Радует только то, что муж выяснил, кем она на самом деле является, и сдал Настю полиции. Но она все-таки выбралась — скользкая дрянь.

После выхода из клиники я старалась не думать о ней, не вспоминать. Боялась, что она будет преследовать меня во сне. Но Настя превзошла все мои ожидания, появившись в реальности.

Всем бы ее прыть. Вот только я этого так не оставлю. Верну ее за решетку, чего бы это мне ни стоило! Сделаю все возможное ради моего нерожденного сына!

— Люда, — знакомый женский голос с тягучими нотками раздается за спиной.

Спотыкаюсь.

Застываю.

Ледяные мурашки бегут по позвоночнику.

Медленно поворачиваюсь, уже зная, кого я там увижу.

Глава 12

Облегченно выдыхаю, когда вижу яркую рыжеволосую девушку в зеленом пальто. Она широко улыбается, и мне становится не по себе из-за того, что я спутала ее с другой. Видимо, Настя плотно засела в моей голове, нужно срочно ее оттуда убирать.

Выдавливаю из себя улыбку и делаю шаг к двигающейся в мою сторону Милане.

— Привет, — она, словно ураган на шпильках, подлетает ко мне.

Заключает меня в объятья так быстро, что не успеваю сориентироваться. Сжимает крепко-крепко, будто встретила не просто одногруппницу, а давно потерянную сестру. Да, мы общались в университете, но близки особо никогда не были.

Сладкий аромат духов с нотками вишни и перца забивается в ноздри, вызывая головокружение. Видимо, отсутствие завтрака не очень хорошо отразилось на организме.

— Привет, — аккуратно отстраняюсь, смотрю в зеленые глаза Милены, которые буквально лучатся счастьем, и чувствую… зависть. Давно я не испытывала ничего подобного. — Что ты здесь делаешь? — отступаю и глубоко вдыхаю, пытаюсь освободиться от навязчивого запаха, от которого начинает подташнивать.

— Ой, да, по делам бегаю, — отмахивается девушка, после чего медленно скользит по мне взглядом. — Хорошо выглядишь, — возвращается к лицу.

— Ты тоже, — говорю искренне, хотя от резко накатывающей грусти избавиться не получается. Кажется, она пропитала каждую частичку моего тела.

Воспоминания о счастливом студенчестве накатывают волна за волной. Я тогда была такой… беззаботной. Постоянно чем-то занималась. Вызывалась волонтером на различные мероприятия. В общем, была той еще активисткой. Глядя на себя сейчас, понимаю, что от меня прежней осталась только тень.

Горло першит, прочищаю его. Делаю еще один глубокий вдох. Предатель-желудок резко начинает бурлить. Кладу руку на живот, пытаясь его заглушить. Но Милена, явно, слышит звук, поэтому усмехается.

— Ой, ты голодная? — сокращает между нами расстояние, подхватывает меня под руку и куда-то тащит. — Я тоже. Пошли. Знаю тут одно хорошее кафе, где мы можем вкусно поесть и спокойно поболтать, — резко тормозит, заглядывает мне в лицо. — Ты же никуда не спешишь? — смотрит на меня глазами кота из Шрека.

— Нет, — само вырывается.

Девушка тут же расплывается в лучезарной улыбке.

— Вот и отлично, — продолжает путь. — Кстати, а ты знала, что…

Всю дорогу до кафе, которая, к счастью, не заняла много времени, Милена болтает, не прекращая. Рассказывает об одногруппниках, с упоением оповещает о том, кто на ком женился, а кто со скандалом развелся. Я стараюсь не слушать, не потому что мне неинтересно, просто у меня своих проблем по горло, не хочу погружаться в чужие.

Поэтому чувствую своего рода свободу, когда Милена отпускает мою руку и открывает массивную с резным рисунком дверь. Мы оказываемся в просторном помещении с уютной обстановкой. Бежевые стены с нарисованным на них, словно тенью, городом отлично гармонируют с деревянными столами и коричневыми кожаными диванчиками. Из широких окон со стоящими на подоконниках свечами льется свет, заливающий все помещение. А высокие торшеры у каждого столика вечером точно придают ощущение интимности.

У входа нас встречает приветливая официантка с русыми волосами, затянутыми в высокий хвостик, в белой блузке и черном переднике. Она проводит нас к столику в дальнем углу, оставляет перед нами папки с меню в коричневом переплете и уходит, предупредив, что скоро вернется.

Мы садимся друг напротив друга. Кожа диванчиков неприятно скрипит при каждом движении, но решаю не обращать внимания на небольшой дискомфорт. Сосредотачиваюсь на меню, слушая Миленину болтовню — она все не прекращается и не прекращается. Лишь прерывается, когда мы делаем заказ.

С одной стороны, я рада отвлечься, даже иногда поддакиваю, пытаясь поддержать разговор, а с другой — от количества информации начинает гудеть голова. Поэтому, когда официантка приносит наши блюда, я чувствую настоящее облегчение. Паста карбонара, которую я заказала, пахнет потрясающе — аромат бекона, смягченный сливками, заставляет желудок болезненно сжаться. Милена остановила свой выбор на греческом салате, заявив, что бережет фигуру. Мне же нечего «беречь» — за время, проведенное в клинике, я исхудала так, что иногда кажется, меня снесет, стоит подуть ветру. Поэтому, не испытывая муки совести, наматываю на вилку спагетти и засовываю их в рот.

Милена с завистью наблюдает за мной и, вздохнув, принимается за свой салат. А я… впервые искренне улыбаюсь.

— Я тебе не рассказала самого главного, — глаза подруги заговорщицки блестят. — Я уезжаю из Москвы, — с хрустом прожевывает кусочек красного перца.

Застываю с вилкой у рта.

— Что? — хлопаю глазами. — Куда? — кладу приборы с едой в полупустую тарелку.

— Во Владивосток. У меня муж там компанию открывает, а я соучредитель. Будем заниматься поставками строительных материалов из Азии, — кладет вилку в салат, откидывается на спинку дивана. Сужает глаза, уголки ее губ подрагивают, словно Милена пытается сдержать улыбку. — Ну что? Пойдешь к нам работать начальником экономического отдела?

Глава 13

Распахиваю глаза. Дыхание перехватывает. Мысли превращаются в вязкую жижу, которая не способна выдать что-то стоящее.

Предложение настолько неожиданное, что я теряюсь, но… маленький лучик, отдаленно напоминающий надежду, вспыхивает в груди. А что если…?

— Да, расслабься ты, — взмахивает рукой Милена. — Шучу я. Знаю, что тебе это не нужно. С таким-то мужем, — качает головой. — Жалко, конечно, — обреченно вздыхает. — С твоим талантом к цифрам ты бы нам точно пригодилась.

Разочарование сильнейшей волной накатывает на меня, отнимает дыхание. Пальцы начинают подрагивать, прячу их под стол. Сцепляю. Кусаю щеку, желая скрыть эмоции, но, похоже, они все равно просачиваются наружу.

— Ты в порядке? — Милена с тревогой смотрит на меня.

Открываю рот, чтобы, как обычно, на автомате сказать «все нормально», но замолкаю, не вымолвив ни слова. Мне надоело лгать. Надоело притворяться, что все хорошо, хотя внутри я сломана. Надоело чувствовать себя фарфоровой куклой, которая разбилась при падении.

Да, мне больно! Так больно, что порой хочется свернуться калачиком в углу комнаты и выть от отчаяния. Но у меня есть веская причина — я потеряла ребенка. Малыша, которого так сильно хотела. Желала всей душой.

Я больше никогда не буду прежней. Беззаботность навсегда ушла из моей жизни. Тень печали постоянно будет преследовать меня. Горе впиталось в мои вены, с каждым днем срастаясь со мной и изменяя навеки. Больше не будет Люды, которая верила в «жили долго и счастливо». Она исчезла вместе с изменой мужа. Но это не значит, что я не могу построить новую жизнь, собрать себя по осколкам и, наконец, перестать просто существовать.

Вот только… для начала нужно освободиться. Делиться с Миленой сокровенным не особо хочется. Но выбора у меня нет. Все люди, которых я считала близкими, предали меня, поэтому…

— Людмила Сергеевна, — грубый голос раздается над нашими головами.

Мне бы испугаться, вздрогнуть, но вместо этого просто хмыкаю. Ну да, как только я принимаю важное решение, кто-то обязательно должен появиться, чтобы все испортить. Словно сама судьба проверяет меня на прочность.

— Прошу прощения, но Михаил Александрович попросил отвезти вас домой, — Павел говорит абсолютно безэмоционально, что, похоже, раздражает не только меня, но и Милену.

— Разве у Людмилы Сергеевны нет права на личное время? — задрав голову и сложив руки на груди, неожиданно язвительно спрашивает подруга.

Я тушуюсь от превосходства, сквозящего в его голосе, но Павел даже бровью не ведет. Как стоял рядом с руками, заведенными за спину, так и стоит.

— Мы должны ехать, — непоколебимо произносит. — Ваш счет я уже закрыл.

Милена до побеления сжимает губы, а ее лицо, наоборот, краснеет. Она ладонями упирается в стол, явно собираясь встать, чтобы вступить в словесную схватку с моим водителем, но я прерываю ее, поднявшись первой. Последнее, чего я сейчас хочу — это скандала.

— Давай встретимся в другой раз? — подхватываю сумочку, стоящую на диване сбоку от меня. — Я тебе позвоню, хорошо? — надеваю цепочку на плечо, выхожу из-за стола.

— Не встретимся, — Милена обреченно вздыхает. — Я улетаю завтра вечером, — косится на Павла, после чего с прищуром смотрит на меня. — А ты подумай о моем предложении. Мы всегда можем договориться, — в ее голосе звучит явный намек.

Мои брови взлетают, но, вовремя вспомнив о присутствии Павла, просто киваю и прощаюсь.

Пока мы с водителем выходим из кафе, мучаюсь вопросом: «Неужели Милена все поняла?». Но даже если нет, сложно было не заметить напряженную атмосферу, которая появилась за нашим столом с появлением Павла.

Всю дорогу до дома кручу в голове слова Миланы. Она предложила мне уехать с ней? Я не ошиблась? А что если согласиться?

Как представлю, что смогу вдохнуть полной грудью вдали от родителей, мужа, страшных событий, которые произошли в этом городе, по коже пробегает волна трепетных мурашек, а в животе от предвкушения начинают порхать бабочки.

Вот только есть один момент, который меня останавливает — мой малыш. Душа его живет в Москве. Место, куда я могу прийти, чтобы навестить его, находится здесь. Все воспоминания, связанные с ним, тоже здесь.

Если я уеду, то лишусь последней связи с сыном. У меня даже фотографии Димочки нет…

Озарение обухом бьет по голове. Почему это нет? Я же начинала вести альбом «с первых дней». Конечно, на них только я, но… Малыш был во мне! А еще же УЗИ! Точно! Оно должно быть в альбоме! Миша же не мог его выбросить, правда?

Из-за томительного ожидания, пока мы доберемся до дома, меня бросает то в жгучее предвкушение, то в панический страх. Толком не могу ни на чем сосредоточиться. Все мысли крутятся вокруг альбома. Если у меня будет хоть одна связь с сыном, возможно, я смогу избавиться от ощущения, что бросаю его.

Как только машина останавливается у дома, сразу же выпрыгиваю из нее, быстро поднимаюсь по входной лестнице, захожу в холл и иду по коридору в сторону гостиной. Только до нее не дохожу. Останавливаюсь у кабинета мужа, ни о чем не думая, залетаю внутрь — направляюсь к резному шкафу со стеклянными дверцами сверху и большими ящиками снизу. Огибаю кожаные кресла, дубовый стол, краем глаза замечаю коричневые стены.

Все, о чем могу думать — альбом.

Я его сама туда положила еще до… происшествия. По идее, он там и должен остаться. Вот только, когда дергаю за ручку деревянной дверцы внизу, она не поддается.

Хмурюсь.

Мы никогда не запирали этот шкаф.

Плохое предчувствие разливается внутри. Разворачиваюсь к столу мужа. Открываю один за другим выдвижные ящики, пока не нахожу связку ключей. Подбираю их, и, в итоге, замок щелкает. На верхней из двух полок, рядом с тремя тубусами, под черной папой замечаю розово-голубое «пятно». Облегченно выдыхаю — не выбросил. Может, что-то человеческое в муже все-таки осталось?

Тянусь к альбому, вытаскиваю.

Черная папка соскальзывает с полки, падает к ногам, распахивается — содержимое веером рассыпается у ног. Сажусь на корточки, собираясь собрать листы обратно, но застываю.

Кровь леденеет в жилах, когда я вижу фотографии детской, к оформлению которой так и не приступила. В глаза бросаются две кровати: одна розовая, другая синяя. Узнаю уголок с мягким полом, фиолетовым диванчиком и множеством игрушек. Столик у окна такой же, который я оставила в электронной корзине с товарами, думая попозже заказать.

Я рассказывала о своих идеях для дизайна детской только… мужу.

Дрожащими пальцами беру край папки, поворачиваю ее.

Надпись «на будущее» ножом бьет в сердце. В голове словно на повторе звучит:

…ты родишь мне нового наследника…

…ты родишь мне нового наследника…

…ты родишь мне нового наследника…

Глава 14

Дрожь охватывает тело. Хочу сделать вдох, но не могу. Он словно застревает в сжатом горле. Легкие начинает жечь от нехватки кислорода. Голова кружится. Этого не может быть.

Взгляд падает на тубусы. Вытаскиваю один, открываю. Кладу альбом на пол. Разворачиваю ватманы и… вижу проект детской, которую описывала мужу. Тошнота подкатывает к горлу, оседаю на пол. Тянусь за вторым тубусом, как…

— Ты не должна была этого видеть, — голос мужа раздается за спиной.

Настоящий ужас разносится по телу. Внутренности скручивает в тугой узел. Нестерпимая боль охватывает каждую клеточку тела, заставляя ее пылать.

Медленно, нехотя оглядываюсь через плечо. Смотрю на мужа. Он стоит в проходе, прислонившись плечом к косяку и засунув руки в карманы брюк. Выглядит, как обычно… бездушным.

Протянутая рука падает и повисает вдоль тела, глаза начинает жечь.

— Как ты мог? — удается выдавить из себя, но слова больше напоминают выдох.

— Я планирую иметь детей от своей жены, — произносит Миша со свойственной ему безразличностью, — в будущем.

Боль очередной волной проносится по телу. Меня бьет крупная дрожь. Не могу толком дышать. Не соображаю. Даже не замечаю, как поднимаюсь на ноги. Такое чувство, что я моргнула, и вот уже стою. Но даже в бессознательном состоянии, каким-то чудом, не забываю взять альбом, связывающий меня с сыном. На негнущихся ногах, не ощущая собственного тела, иду к выходу.

Миша наблюдает за каждым моим движением, следит зорко, как ястреб. Пытается уловить все, вплоть до вдоха.

Останавливаюсь напротив мужа, изо всей силы впиваюсь пальцами в альбом, заглядываю ему в глаза.

— Когда ты стал таким жестоким? — шепчу, бегая взглядом по когда-то любимому лицу.

Пальцы свободной руки подрагивают. Сжимаю их в кулак. Судорожно вздыхаю.

Жду…

Секунду.

Две.

Три.

Но ответа не слышу.

Хмыкаю. Все понятно.

— Дай пройти, — цежу.

Но Миша не двигается. Все так же прожигает меня пустым взглядом. Его глаза мало чем отличаются от адской бездны. Если смотреть в нее слишком долго, не сомневаюсь, что можно утонуть.

— Миша, дай мне пройти! — повышаю голос, когда понимаю, что муж не собирается сдвигаться с места.

Вот только это не помогает. Миша как стоял на месте, так и стоит. Кровь начинает бурлить в венах. Непроходящую боль подпитывает самая настоящая ярость. Она воспламеняет кожу, заполняет легкие, разносится по телу. Не могу думать, не могу дышать.

Все, чего хочу — уйти.

Твою мать!

— Я сказала, выпусти меня! — пытаюсь прорваться между мужем и косяком, но Миша становится посреди прохода, загораживая его собой.

— В чем проблема? — вздергивает бровь.

— В чем проблема?! — вырываюсь, взмахиваю руками. — Серьезно?! Только не говори, что ты до сих пор веришь в «наше счастливое будущее»! — последние слова выплевываю ему прямо в лицо.

— Я тебе уже говорил, что собираюсь сохранить нашу семью, — как ни в чем не бывало произносит муж.

— Семью? — во все глаза смотрю на него. — Какую семью? Где ты ее видишь? — хмыкаю. — Ее и не было никогда, — слезы наполняют глаза, грозят вот-вот пролиться, но я сдерживаю их, хоть и из последних сил. — В семье люди уважают друг друга, я уже о любви не говорю, а ты… — судорожно вздыхаю, пытаясь остановить рвущийся наружу всхлип. — Если бы у нас была настоящая семья, ты бы никогда не заставил меня пройти через весь этот ад, а наш малыш… — слова застревают в горле.

Смотрю в черные глаза мужа, позволяя ему вдоволь насладиться агонией, которая заставляет меня корчиться в муках каждый день и каждую ночь. Я хочу, чтобы он знал, что сделал со мной. Хочу, чтобы почувствовал хотя бы долю моих мучений. Мне просто нужно передать хоть кому-то их, иначе я точно сойду с ума.

— Дай мне уйти, — прошу, толком не понимая, что имею в виду.

Хотя кому я вру? Все я понимаю.

Мне нужно убраться отсюда навсегда! Из этого дома, из города, и главное, от мужа! Уехать подальше. Туда, где я смогу, наконец, излечиться. Вернуть хотя бы частичку себя.

Слезинка скатывается по щеке, быстро ее стираю. Но взгляда от мужа не отвожу.

Не знаю, что Миша видит в моих глазах, но проходит всего пару мгновений, как он отступает назад, освобождая проход.

Не веря своему счастью, вылетаю наружу и бегу в сторону лестницы. Но стоит только ступить на первую ступеньку, как спотыкаюсь, ведь за спиной раздается предупреждающий рык:

— Мы еще не закончили.

Дрожь вновь охватывает тело. Не могу толком дышать, но все равно пересиливаю себя — начинаю медленно, шаг за шагом подниматься по лестнице, постепенно наращивая темп.

Когда добираюсь до второго этажа, мчусь в свою комнату. Только захлопнув за собой дверь, прислонившись к ней спиной и прижав к груди альбом, могу вздохнуть с облегчением.

Не знаю, сколько так стою, борясь с сумбуром в голове, но, в итоге, отчетливо понимаю — Миша меня не отпустит. Вот только я не собираюсь больше подчиняться ему, жить взаперти, словно в клетке.

Ведь я права — нашей семьи больше нет. Никогда не было и точно не будет.

Изо всей силы вжимаю в себя альбом. Связь с малышом у меня теперь есть, остался последний шаг.

Руки подрагивают, когда я достаю телефон из висящей на плече сумки. Но едва успеваю его разблокировать, как на экране высвечивается уведомление о новом сообщении. На этот раз от папы:

«Милая, давай завтра встретимся. Нужно срочно поговорить».

— Только его мне не хватало, — проигрываю борьбу со слезами.

Глава 15

Стою перед стеклянной дверью кафе. Мнусь с ноги на ногу. Белое платье в пол, хоть и с рукавом, но совсем не согревает. Уши раздражают сирены скорой помощи, которая, скорее всего, выезжает из больницы напротив.

Вот зачем я пришла? Могла бы просто сказать, что не увидела сообщение. Разве мне нужно очередное потрясение? Но искорки надежды, все еще горящие в груди, не давали покоя.

Сегодня утром, собираясь на встречу с отцом, в голове крутилась лишь одна мысль: «как пластырь оторвать». Если последний человек поведет со мной, как последняя скотина, меня больше ничего не будет держать в этом городе.

На мгновение прикрываю глаза, делаю глубокий вдох и открываю дверь.

Переступаю порог, сразу же попадая в тепло.

Нежная мелодия окутывает меня, как и терпкий аромат кофе. Желудок начинает урчать, напоминая о том, что я убежала из дома, даже не позавтракав. Хотела уйти, пока Миша меня не поймал и не завел свою шарманку под названием: «собираюсь сохранить нашу семью». Вот только стоило мне выйти на лестницу, я поняла, что так просто от мужа не скрыться — внизу лестницы меня ждала машина с Павлом рядом.

По пути я чего только себе не придумала, начиная с заговора отца с мужем, заканчивая прослушкой моего телефона. Но потом решила забить — лучше все выяснить сейчас и, если что, разорвать все связи с «семьей».

Бросаю взгляд на барную стойку. За ней крутится молодой парнишка с рыжими волосами и в белой рубашке. Он как раз готовит желанный мною кофе. Уже делаю шаг к нему, как мне преграждает дорогу невысокая официантка в форменной белой рубашке с манжетами, расшитыми красным орнаментом.

— Доброе утро. Вам нужен столик? — девушка широко улыбается. Затянутый на макушке хвост делает ее черты лица ярче.

— Эм… — оглядываюсь по сторонам, быстро пробегаясь взглядом по столикам, которые почти все оказываются пустыми. В самом конце, на коричневом диванчике возле большого окна замечаю седовласого мужчину. — Спасибо, меня ждут, — выдавливаю из себя благодарную улыбку, крепче сжимаю ручки сумки.

— Хорошо, — девушка отходит назад, освобождая мне путь. — Тогда проходите, я сейчас принесу меню, — лопочет она, заряжая своим позитивом даже меня, и сразу убегает к барной стойке.

Желудок скручивается от страха, когда я вновь бросаю взгляд на отца. Вижу лишь его профиль — папа задумчиво смотрит в окно, потягивая из белой чашки какой-то напиток, скорее всего, его любимый зеленый чай. Серый свитер чуть темнее его волос. На глаза почему-то наворачиваются слезы. Сколько бы я себя ни убеждала в том, что ничего страшного не произойдет, если еще один человек меня предаст, все равно успокоиться не получается. В последнее время я пережила и так много боли. Не уверена, что справлюсь, если мое сердце снова разобьется.

«Как пластырь оторвать», — напоминаю себе.

Я должна быть сильной. Должна.

Судорожно вздыхаю, прикусываю губу и, пересиливая себя, делаю шаг. Потом еще один и еще, пока не оказываюсь за спиной отца. Он словно затылком чувствует мой взгляд, поворачивается, скользит по мне взглядом снизу вверх, пока не достигает глаз.

Я ожидала увидеть все, но только не искреннюю тревогу…

Эмоции отца выбивают из колеи, слезы брызгают из глаз. Прикрываю рот рукой, пытаясь подавить судорожный всхлип.

— Люда, — хмурится папа, после чего подрывается с места.

Не успеваю даже моргнуть, как оказываюсь в теплых, защищающих объятиях отца. Папа крепко прижимает меня к себе. Утыкаюсь носом в изгиб его плеча, шмыгаю носом и обнимаю в ответ.

Не знаю, сколько мы так стоим, но очень рада, что нас никто не беспокоит — даже слишком доброжелательная официантка. Позволяю себе, наконец, выпустить эмоции под размеренное поглаживание по спине. Когда же во мне не остается ничего, кроме пустоты, отстраняюсь и заглядываю в карие, лучащиеся теплом глаза папы.

— Теперь привет, — смущенно улыбаюсь, вытирая ладонями щеки.

— Прости меня, — хмурится папа, а на его лице появляется неприкрытая вина.

— За что? — чуть склоняю голову набок.

Папа всматривается мне в глаза, что-то ищет в них, но не знаю, находит ли, потому что в следующее мгновение тянет меня к диванчику:

— Давай сядем.

Нехорошее предчувствие появляется в животе, но я все-таки поддаюсь на уговоры.

Сажусь, пододвигаюсь к окну, освобождая папе место, которое он тут же занимает. Официантка появляется почти сразу, кладет папки с меню на стол и сразу же исчезает. Девушка словно понимает, что нам нужно время.

Ни я, ни папа не двигаемся. Просто смотрим друг другу в глаза, долго, пристально, словно делясь эмоциями.

— Как ты? — папа, в итоге, нарушает тишину.

Открываю рот,чтобы сказать «хорошо», но это простое слово застревает в горле. Опускаю взгляд, глубоко вздыхаю и медленно выдыхаю, пытаясь собраться с силами, сказать отцу правду. Но от меня этого и не требуется. Папа сам все понимает.

— Ясно, — заправляет упавшие на лицо волосы мне за ухо, после чего берет меня за руку.

Впиваюсь зубами в губу.

— Я знаю, что в последнее время мы мало общались, но… — папа прерывается, похоже, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Поднимаю взгляд. — В общем, я не знал, что случилось. Мне твоя мама только вчера рассказала, что ты ребенка потеряла. Нужно было раньше позвонить тебе, чтобы хотя бы спросить, как дела. А я… — тяжело вздыхает. — Я так виноват перед тобой, — крепче сжимает мои пальцы. — Скажи мне, как ты себя чувствуешь, — папа с такой искренностью смотрит на меня, что в груди что-то обрывается.

Боль накрывает с головой. Впиваюсь ногтями в ладонь свободной руки.

— Я хочу уехать, — вырывается из меня быстрее, чем я успеваю подумать.

— А в чем проблема? Скажи Мише, уверен, он не будет против, куда-то слетать, — папа непонимающе хмурится.

— Я хочу уехать одна, но Миша меня не отпустит, — перевожу взгляд в окно, но руку папы не отпускаю. — Он не даст мне развод.

— Между вами что-то произошло? — настороженно спрашивает папа. — Давай я с ним поговорю.

Мои глаза расширяются, с ужасом смотрю на отца.

— Не смей! — как представлю, что муж может сделать с папой, мне плохо становится. — Ты же знаешь, какой он… — замолкаю, не зная, как лучше описать мужа.

— Люда, что случилось? — папа переходит на родительский тон, с помощью которого выпытывал у меня, где я задерживалась, если приходила домой позже комендантского часа.

— Он мне изменял, ясно?! — выпаливаю, даже не пробуя себя остановить.

Папа застывает. Я тоже.

Молчим всего пару секунд, но кажется, что вечность.

Дрожь охватывает тело, напряжение сковывает мышцы. Если и папа сейчас скажет, что все в порядке вещей, то…

Отец начинает возиться рядом, я сужаю глаза. Папа достает из кармана брюк портмоне, достает оттуда черную карточку и кладет передо мной на стол.

— Что это? — неверяще смотрю на отца.

— Уезжай, — строго говорит он.

— Но… — тяжело сглатываю.

Миша узнает. В любом случае узнает.

— Никаких «но», — папа второй ладонью накрывает мою, после чего похлопывает. — Ты моя дочь. Если чувствуешь, что хочешь уйти от мужа, я помогу тебе всеми силами. У тебя сейчас нет собственных денег, поэтому бери. Пользуйся, сколько нужно. У твоей мамы нет доступа к этому счету. Там не сильно много денег, но надеюсь, они помогут тебе встать на ноги.

Первый порыв — отказаться, но понимаю, что это мой шанс. Последний пазл, которого мне не хватало. Слезы снова начинают катиться по щекам. Бросаюсь в объятия отца. Держу изо всей силы, долго. Я даже представить не могла, как мне нужно, чтобы хоть кто-то меня поддержал.

— Давай хоть поедим, — папа, в итоге, аккуратно отстраняется, — в последний раз.

Спустя час, проговорив с отцом ни о чем и обо всем, мы выходим обратно на улицу.

— Только звони мне, хорошо? — папа придерживает меня за спину.

Начинаю поворачивать голову к нему, чтобы улыбнуться и пообещать, что мы обязательно еще раз встретимся, как цепляюсь взглядом за противоположную сторону дороги, где в ряд на обочине стоят пять черных джипов.

Дыхание застревает в груди, когда я смотрю на машину посередине. Сразу узнаю мужа, хоть вижу только его профиль. И девушку — в джинсах и свободном черном растянутом свитере, которая прижимается к нему, — тоже. Эти светлые волосы, эту худощавую, изнуренную диетами фигуру, эти руки с тонкими запястьями — все мне до сих пор снится в кошмарах.

Страх смешивается с яростью и огненной волной проносится по телу.

Не может быть… Не хочу верить. Не могу!

Но глаза доказывают обратное.

Муж снимает руки, которые подавали мне отравленный чай, со своей шеи и… сажает Настю в машину. Не запихивает грубо, чтобы отвезти обратно в кутузку. Просто сажает, и сам забирается следом.

Глава 16

Скомкано попрощавшись с отцом. Разворачиваюсь и просто иду под рев проезжающих мимо автомобилей, звуки сирен скорой помощи, гул людских голосов, не зная куда, не зная зачем. Машины мужа давно уехали, а я не смогла стоять на месте. Мне нужно двигаться, идти, пока мысли из отдельных кусочков не начали собираться в единую картину.

Я должна не просто уехать… мне нужно бежать! Бежать без оглядки! Срочно! Подальше. Туда, где не будет ни моего бездушного мужа, ни отягчающих болезненных воспоминаний.

Решение приходит внезапно.

Резко останавливаюсь, открываю сумочку и достаю телефон.

Дрожащими пальцами вожу по экрану в поисках контакта, которым не пользовалась много лет. Уверенно нажимаю на него, прикладываю гаджет к уху.

Сердце гулко бьется в груди, пока я слышу долгие гудки. Переминаюсь с ноги на ногу. Кручу головой, пытаясь хоть за что-то зацепиться — вижу себя в отражении затемненного стекла. Выгляжу немного… взбудораженной. Волосы развевает ветер, глаза блестят, зубы впиваются в нижнюю губу — я даже не заметила, как укусила ее. Все мое внимание сосредоточено на гуле гудков в ушах, которые все не прекращаются.

— Алло, — наконец звучит знакомый женский голос. Облегченно вздыхаю — я думала, что опоздала и Милена улетела. — Не ожидала, что ты позвонишь. Хотя надеялась.

— Твое предложение о работе еще в силе? — перехожу сразу к делу, после чего тяжело сглатываю. — Если да, то я... — прохожусь языком по пересохшим губам, — я согласна на работу, — не верю, что произношу это вслух.

Молчание в трубке затягивается. Начинаю нервничать, крепче стискиваю телефон, впиваюсь ногтями в ладонь свободной руки. Задерживаю дыхание.

Я что… зря надеялась?

В глазах начинают блестеть слезы.

— Да, в силе. Вечером самолет, — в итоге напряженно произносит Милена, впервые не задавая лишних вопросов. — Пришли мне данные паспорта. Я закажу тебе билет.

— Я сама могу… — начинаю, но тяжелый вздох в трубке прерывает меня.

— Пришли данные, — на заднем фоне улавливаю щелчки мышью. — Осталось всего пара мест.

Заправляю щекочущие лицо волосы за ухо. Чувствую себя какой-то… неполноценной. Но понимаю, что времени на самобичевание и споры нет.

— Хорошо, — выдыхаю. — Спасибо.

— Жду данные, — хмыкает Милена. — И ты должна мне рассказ, — в ее голосе звучат заинтересованные нотки.

Вот теперь узнаю ее.

— Конечно, — в любом случае давно нужно было с кем-то поделиться. — Мне пора.

— Мне тоже, — на той стороне раздается какое-то шуршание. — Увидимся вечером.

Едва успеваю отключиться, как сразу же отправляю сохраненную фотографию паспорта подруге. Она присылает в ответ палец вверх, и я улыбаюсь уголками губ.

Предвкушение бабочками порхает в животе.

Неужели я действительно это сделаю? Уйду от мужа, попытаюсь залечить раны, начну новую жизнь…

Осталось совсем чуть-чуть и я смогу освободиться.

Поднимаю голову, в отражении встречаюсь с нахмуренным взглядом Павла, стоящего за мной.

Сердце пропускает удар. Глаза распахиваются. О…он все слышал? На спине выступает холодный пот, изо всех сил сжимаю телефон. Горло перехватывает.

— Куда вас отвезти? — водитель отходит чуть в сторону, на обочине замечаю мерседес с включенной аварийной.

Я правильно понимаю — он только что приехал? А я и не услышала. Пожалуйста, пусть будет так. Ведь, в любом случае, я не могу спросить его вслух.

Прочищаю горло, разворачиваюсь к Павлу.

— Домой, — все равно произношу слишком хрипло.

Павел, к моему облегчению, всего лишь кивает.

Дорога до дома кажется вечностью, но я развлекаю себя, представляя, какая жизнь меня ждет. Спокойная, размеренная, наполняющаяся красками. Волнение усиливается, когда получаю сообщение от Милены с номером рейса, электронным билетом и временем вылета. Мысли из радостных превращаются в тревожные.

Миша уже мог узнать, что на мое имя был куплен билет…

А вдруг мы сейчас доберемся до места, и Павел по приказу мужа запрет меня дома?

Или еще хуже — меня поймают в аэропорту?

С каждой секундой дыхание все больше учащается. Кручу пальцы и полностью извожу себя. Но все равно не собираюсь сдаваться. Решение принято, отступать поздно. Осталось сделать всего пару шагов, и я получу желанную свободу.

Поэтому как только машина останавливается у дома, выпрыгиваю из нее. Стараясь не спешить, чтобы не вызвать подозрение, поднимаюсь по лестнице. На ходу вызываю такси. К счастью, отсчет показывает всего пятнадцать минут. Значит, машина находится где-то поблизости. Похоже, удача начала возвращаться ко мне.

Как только за мной захлопывается входная дверь, ускоряюсь. Бегу на второй этаж, не задумываясь о том, что могу споткнуться и полететь вниз. Поднимаюсь в длинный коридор, быстро иду к своей комнате.

Неразобранный чемодан все так же стоит прислоненный к стене. Но сначала мне нужно кое-что другое. За несколько широких шагов преодолеваю расстояние до кровати. Откидываю подушку. Впиваюсь взглядом в розово-голубой альбом. Подхватываю его, прижимаю к груди.

Все, теперь можно уходить.

Подлетаю к чемодану, хватаю его за ручку и несусь обратно к лестнице. Кое-как, пыхтя, спускаюсь. Мышцы рук горят от усилий, но я игнорирую дискомфорт. Направляюсь обратно к выходу. Адреналин впрыскивается в кровь, поэтому пальцы дрожат, когда открываю дверь.

Выглядываю, озираюсь по сторонам.

Никого не вижу.

Набираю в легкие побольше воздуха, выхожу и вытаскиваю за собой чемодан. Желудок сводит, когда я спускаюсь по ступенькам.

Я правда ухожу… правда…

Крепче стискиваю ручку чемодана, делаю первый шаг к свободе.

Иду по асфальтированной дороге, обрамленной деревьями с обеих сторон. Почти добираюсь до кованых ворот, отделяющих наш дом от остального мира, когда резко торможу.

Павел, выйдя из-за деревьев, преграждает мне путь.

— Куда-то собрались? — водитель выглядит как настоящий цербер с нахмуренными бровями и поджатыми губами. Его взгляд направлен мне прямо в душу.

Глава 17

Все внутри стягивается в тугой узел. Дыхание застревает в груди.

Надежда выбраться из клетки, в которую посадил меня муж, рушится на глазах. Сильнее стискиваю ручку чемодана, пытаюсь очистить разум от досады. Не позволяю слезам побежать по щекам.

Павел верен мужу, я это точно знаю — он меня не отпустит. Но разве я могу сдаться, когда остался последний шаг?

— Я ухожу, — судорожно вздыхаю.

— Куда вас отвезти? — водитель спрашивает сугубо профессионально.

На мгновение прикрываю глаза… Боже, дай мне сил и, пожалуйста, помоги.

— Ты не понял, — голос садится, прокашливаюсь, чтобы вернуть себе возможность говорить. Заглядываю Павлу прямо в глаза.

— Я ухожу от мужа, — тяжело сглатываю, страх холодом проносится по венам. — Меня не нужно никуда отвозить, я вызвала такси.

Павел поджимает губы, сужает глаза.

Молчит.

Перестаю дышать.

Боюсь, что если сделаю вдох, то надежда рассыпется на песчинки, заставляя меня мучиться в агонии всю оставшуюся жизнь.

— Михаил Александрович знает? — голос Павла звучит спокойно, что нервирует еще больше.

— Нет, — проталкиваю в себя воздух, ладони потеют, сильнее впиваюсь пальцами в альбом. — Пропусти меня… — голос садится, — пожалуйста. Если я останусь в этом доме, то точно сойду с ума, — слезы все-таки наполняют глаза. — Мне нужно уехать… просто нужно. Я здесь, рядом с мужем… не выживу… — под конец слова звучат совсем тихо. — Пожалуйста, — умоляюще смотрю на водителя.

Кусаю губу, но всхлип все равно вырывается из меня. Прикрываю рот тыльной стороной ладони, страшась того, что вот-вот сорвусь в бездну, из которой не смогу выбраться.

— Я должен позвонить Михаилу Александровичу, — слова Павла звучат приглушенно из-за шума в ушах.

Кровь отливает от ног. Колени подкашиваются. Перед глазами все размывается.

Но когда вижу, что Павел разворачивается и уходит туда, откуда пришел, напрягаюсь. Водитель скрывается за деревьями, а дорога становится… свободной.

Я могу идти? Правильно же?

Снова бросаю взгляд на дерево, за которым скрылся Павел. Не верю своему счастью. Кажется, кто-то сейчас обязательно выпрыгнет из-за поворота, схватит меня и потащит с повинной к мужу.

Но спустя пару секунд я так и не слышу ни топота ног, ни криков «держите ее». В ушах раздается только шум ветра.

Неужели действительно все получится?

Глубоко вздыхаю и медленно выдыхаю. На ватных ногах иду к кованым воротам. Передвигаюсь медленно, шаг за шагом. Постоянно озираюсь. Страх не проходит до тех пор, пока я не выхожу в калитку и не вижу подъезжающий белый автомобиль с желтыми шашечками.

В последний раз оглядываюсь на дом, который был для меня убежищем, а потом стал тюрьмой.

Здесь я прожила пять лет.

Здесь строила «счастливую» семью.

Здесь мечтала о ребенке.

И именно здесь испытала невыносимую боль.

Сердце в очередной раз сжимается, горло перехватывает. Пора перелистнуть эту страницу.

Недолго думая, подхожу к такси. Передаю чемодан водителю и забираюсь на заднее сиденье. Пристегиваюсь, прижимаю альбом к груди. До сих пор не могу поверить, что все идет по плану.

Единственное, о чем жалею, что не получится попрощаться с сыном. Но если Миша каким-то образом узнает о моем отъезде, то будет искать меня в первую очередь на могилке, где живет его душа. Поэтому еду сразу в аэропорт и молюсь, чтобы муж не успел меня перехватить.

«Димочка, ты навсегда останешься в моем сердце», — прикрываю глаза, чувствую, как слезы струятся по щекам.

Машина трогается, а я даже не порываюсь еще раз взглянуть на дом. Эта книга закончена, пора начинать новую.

Поездка до аэропорта по ощущениям занимает вечность. Без проблем прохожу регистрацию, хотя она тянется бесконечно долго. А потом начинается самое сложное — ожидание.

Я приехала слишком рано, поэтому мне приходится мучиться в переживаниях. Меня не покидает ощущение, что за мной наблюдают. Нет, следят. Могу поклясться, что чувствую чей-то взгляд на себе — тяжелый, пристальный, прожигающий. Поэтому долго усидеть в кресле не получается. Вот только куда бы я ни пошла, ощущение слежки не покидает. Оно ползет по коже ледяными мурашками. Заставляет то и дело оглядываться в поисках знакомого лица. Не дает расслабиться.

Получается более или менее прийти в себя лишь когда Милена появляется в аэропорту. Она оделась повседневно — в джинсы и клетчатую рубашку, завязала волосы в высокий хвост, а в руках держит бордовую сумку.

— Я так рада, что ты едешь, — она заключает меня в крепкие объятья, долго держит, после чего отпускает. — Пошли, посадку объявили, — заглядывает мне в лицо, заговорщицки сужает глаза. — И я жду свой рассказ, — подмигивает, после чего разворачивается, берет меня за руку, тащит к терминалу.

— А где твой муж? — спрашиваю, когда мы проходим по рукаву в самолет.

— Вчера улетел, пока я тут дела заканчивала, — Милена отмахивается. — Он в последнее время столько работает, что я даже по ночам его редко вижу. Совсем недавно задумалась, может, он любовницу завел. Но хорошо, что быстро избавилась от этой мысли. Мы же со Славиком еще со школьной скамьи вместе.

В самолете нас с Миленой сажают на разные ряды. Вот только места рядом со мной оказываются свободными, то подруге не везет совсем. Ее кресло зажато между двух огромных мужчин, поэтому мы договариваемся, что после взлета, если у меня не будет «соседей», то Милена пересядет.

Время ожидания тянется и тянется. Сердце гулко бьется в груди. Дышу рвано, через раз получается сделать нормальный вдох. Пальцы подрагивают, поэтому зажимаю их между бедер. Постоянно кусаю губы. Считаю каждую секунду, потому что ощущение слежки никуда не исчезает. Выглядываю в иллюминатор, невольно ища знакомую фигуру.

Не мог же Миша узнать о моем отъезде, правда же?

Впиваюсь зубами в губу, сильнее сжимаю. Задерживаю дыхание. Накручиваю себя еще больше.

Если муж узнает, то все кончено. Он меня не отпустит. Ни за что!

— Дамы и господа, — раздается из громкоговорителя механический женский голос. — Вылет нашего рейса задерживается. Приносим извинения за доставленные неудобства!

Шире распахиваю глаза. Сердце разгоняется еще сильнее. Крупная дрожь охватывает тело.

Нет! Не может быть. Этого просто не может быть… Желудок ухает вниз.

Глава 18

Закрываю глаза. Откидываюсь на спинку кресла. Белые стены давят. В висках пульсирует, тру их. Сил не остается совсем. Кажется, если встану, то рухну прямо здесь.

Мысли сами перетекают к моему малышу — в принципе как всегда, стоит только расслабиться. Скулы сводит от накрывающих, но сдерживаемых слез, во рту появляется горечь. Печаль, которая стала моей верной сопровождающей, вспыхивает и разгорается с новой силой, заставляя сердце ныть, будто иглы, которые давно вонзили в него, проникают еще глубже.

Это неправда, что время лечит. Да, оно притупляет боль. Иногда даже получается отвл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.